

**Первенство, как авторитет, апостола Петра
и его преемников в историко -
богословском
диалоге востока и запада**

Содержание

Введение

Глава 1. Утверждение первенства апостола Петра в Учении Католической Церкви и современные проблемы

Современные проблемы

Глава 2. Примат Петра в Новом Завете

Глава 3. Примат Папы в контексте первых семи Вселенских Соборов

Глава 4. Эволюция примата после раскола Церкви

4.1. В средневековье

4.1.1. Папа и его новые политические отношения

4.1.2. Время Латеранского Собора

4.1.3. Споры после разделения

4.1.4. Пути примирения

4.2. В Новое время

4.3.1 Ватиканский Собор

4.4.2 Ватиканский Собор

Глава 5. Взгляд Православной Церкви на примат папы

Заключение

Введение.

Учение об авторитете Римского епископа и его особенной роли в Церкви является одним из исторически сложившихся элементов богословской доктрины Католической Церкви.

Признание авторитета Римского Первосвященника объединяет сотни миллионов христиан, принадлежащих к разным народам и разным литургическим традициям. Именно объединение под авторитетом единого главы, наместника Христова, позволяет всем им называться католиками, то есть христианами, принадлежащими ко Вселенской Церкви.

Учение о примате римского епископа проистекает непосредственно из Евангелия и несомненно подтверждается традицией первых веков христианства, однако в межцерковных богословских отношениях вопрос о первенстве римской кафедры вот уже тысячу лет препятствует активизации диалога между Церквями, особенно Восточной и Западной Церквями.

Передавая Апостолам полноту пастырской и учительной власти, Иисус Христос сказал им: «се Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20); Апостолы же не бессмертны и, поэтому, нисколько не сомневались в том, что на их обязанности лежит поставлять себе преемников. Вся история первенствующей Церкви полна указаний на созидание Тела Христова Духом Святым при посредстве апостольской иерархии. Таковы, к примеру, случаи сопричисления к одиннадцати Матфия (Деян. 1, 21 -26), с сотником Корнилием (Деян. 10, 6), с новообращенными самарянами (Деян. 8, 17), с Тимофеем (1Тим. 4, 14), Титом (Тит. 1, 5) и многие другие.

Апостолы были почти во всем равны между собою и братьями. Но одному из них, Петру, кроме апостольства, было дано Спасителем особое постоянное служение - объединять Апостолов в одну иерархию, ограждать пастырскую соборность от раздоров, возглавлять правящую, учащую и освящающую Церковь.

Католическая Церковь на Первом Ватиканском Соборе сформулировала в виде догмата учение о предоставлении Петру Христом «прямо» именно примата юрисдикции, а не каких-либо иных полномочий, из которых его можно было бы вывести, и «непосредственно», следовательно, не при посредстве апостольской группы или Церкви.

II Ватиканский Собор принял Догматическую конституцию о Церкви, в которой подтверждаются догматы о папе I Ватиканского Собора. В соборных определениях говорится о богоустановленности главенства апостола Петра, о постоянстве его служения, о главенстве Римской кафедры и Римского Первосвященника, как Петрова преемника, о безошибочности в учении. Однако, подавляющее большинство христианских конфессий упорно отрицают получение св. Петром от Христа примата церковного авторитета над Апостолами и всем церковным сообществом.

Православие же признает примат чести и даже руководства. Однако, надо постоянно оглядываться на то, что вероучительные различия католичества и православия формировались на протяжении веков, будучи тесно связанными с различиями в религиозных мировосприятиях и историко-культурных путях Востока и Запада. Справедливо полагать, что одним из наивысших выражением этих различий в экклизиологии является католическая доктрина о главенстве римского папы, по мнению большинства исследователей, обуславливающая особенность вероучения западного богословия и стоящая на пути к единству Церкви, что делает столь важным изучение этого вопроса.

Поэтому в данной работе мы не ставим задачу разрешить и освятить всю проблематику, связанную с этим вопросом (ибо уровень такого объема материала и исследования его не рассчитан на данную работу), а попытаемся достаточно в узком ракурсе рассмотреть только некоторые аспекты этой глобальной темы.

Когда мы будем говорить о первенстве Римского престола, то будем помнить, что разговор у нас пойдет о исторической реализации этого служения у Римских пап.

В самом начале мы будем говорить очень коротко о том, в чем есть согласие между западными и восточными авторами-богословами об авторитете и роли Петра в самом Новом Завете. Потом попытаемся сосредоточить свое внимание на том, как первенство пап реализовывалось в исторических фактах: пройдясь особенно по первым семи Вселенским Собором, отметив средневековые события, и особенно показав значимость решений Первого и Второго Ватиканского Собора. И затем увидим, что же говорят об этом некоторые ведущие православные богословы за последние два века, среди которых мы увидим С. Булгакова, Хомякова, Вл. Соловьева, Афанасьева.

Таким образом, мы хотим в великом смирении сделать небольшой шаг для вклада в то дело, к которому призывает нас сам Папа Иоанн Павел II говоря, что служение Римского епископа, как видимое знамение и гарантия единства, "составляет существенную трудность для большинства христиан, в памяти которых запечатлены некоторые болезненные воспоминания". Папа далее продолжает, что: "...является, однако же, знаменательным и отрадным то, что вопрос Примата Римского епископа ныне стал предметом изучения, непосредственного или перспективного... После вековых жестоких споров другие Церкви и церковные Общины рассматривают все более новым взглядом это служение единству". И далее как призыв звучат слова понтифика: "Пусть Святой Дух дарует нам Свой свет, и просветит им всех пастырей и богословов наших Церквей, чтобы смогли мы искать, несомненно, вместе, те формы, в которых это служение смогло бы осуществлять дело любви, признанное одними и другими». И почти в конце своего послания « Да будут все едино» Иоанн Павел II цитирует слова своего предшественника папы Павла VI, которые он написал Вселенскому Патриарху Афинагору I: «пусть Святой Дух ведет нас по пути примирения, чтобы единство наших Церквей стало все более светозарной надеждой и утешением для всего человечества».

Глава 1. Утверждение первенства апостола Петра в Учении Католической Церкви и современные проблемы.

В Катехизисе Католической Церкви учение о римском Первосвященнике изложено так: "Христос установил двенадцать апостолов как коллегия или постоянное объединение, главою которого поставил Петра, избранного из их Среды. Как по установлению Господа св. Петр и другие апостолы составляют единый апостольский собор, так и Римский Первосвященник, преемник Петра, и епископы, преемники апостолов, составляют единое целое.

Господь поставил одного Симона, которому дал имя Петра, камнем Своей Церкви. Он дал ему ключи от нее; Он поставил его пасти все стадо. Но эта миссия связывать и разрешать, данная Петру, несомненно была также дана коллегии апостолов, в единении с их главой. Эта пастырская миссия Петра и других апостолов принадлежит к основаниям Церкви. Ее продолжают епископы под первоначалием Папы

Папа, епископ римский и преемник св. Петра, есть постоянное и видимое начало и основа единства и епископов, и множества верных. Ибо Римский Первосвященник имеет над Церковью, в силу своей должности наместника Христа и пастыря всей Церкви, полную, верховную и вселенскую власть, которую он вправе всегда свободно осуществлять".

По учению Католической Церкви "Римский Понтифик как преемник Петра, которому Христос доверил пасти овец и агнцев Своих, по Божественному установлению обладает высшей, полной, непосредственной и универсальной властью ради попечения о душах.

Поэтому Он, посланный как пастырь всех верных ради общего блага всей Церкви и для того, чтобы обеспечить благо отдельных Церквей, обладает первенством ординарной власти над всеми Церквами".

1. Католическая Церковь, как общение церквей, должна выразить, каким-то образом (видимым), единство, которое состоит в ней.
2. Коллегиальность епископов требует обязательно центр единства который выражает и гарантирует иерархическое общение
3. Современная церковная совесть внутри католической Церкви требует одновременно иерархическую конституцию Церкви, которая есть одновременно коллегиальная и примициальная сущность (Иоанн Павел II "Pastor Bonus"). Поэтому, примат папы - это церковный орган, который выражает и совершает это единство между церквями и епископом. Совпадают единство и апостольства как служение кафоличности Церкви.

Современные проблемы

Хотя мы и видим, что очень важно, чтобы выражать и дополнять совершать единство Церкви, но все равно эта вершина единства получается очень парадоксальной, ибо как говорит Папа Иоанн Павел II, что на самом деле это одна из самых главных причин именно разделения Церквей. То, что есть на самом деле, является основой и вершиной, одновременно парадоксальным образом является причиной всех разделений. Это, как будто, исторический парадокс. Сам Папа это видит и требует от всех богословов новое представление и толкование этого служения внутри самой Церкви, но как это толковать и смотреть на это, что бы не было причиной для разделения.

Какие сегодня самые главные проблемы, критические высказывания и взгляды мы можем встретить по отношению к примату римских пап:

Говорится, что первенство - это, прежде всего, власть и форма владения, а не форма служения; что первенство всегда имеет формы монолитизма и централизма, которыми, в конечном счете, аннулируется, т.е. уничтожается, упраздняется разнообразность разных литургических обрядов и богатство всех поместных церквей.

Проблема насильственной латинизации после средневековья, когда была католическая экспансия везде, такой процесс привел к униформизму, т.е. принятию только одной формы для всех: римский ритуал, латинский язык. Поэтому разнообразие и богатство всех

поместных Церквей уменьшается.

Вторая проблема: в течении истории первенство папы обозначало сосредоточение власти и ответственности, которое привело к тому, что произошло отделение пап от общения с поместными Церквами и, особенно, от общения с пентархией.

3. У пап, в течении истории, были непомерные претензии, касающиеся его идентичности: совершенность, непогрешимость. Они считали себя источником и основой единства и истины всей Церкви, узурпируя роль Иисуса Христа и Слова Божия.

4. Папство требует для себя апостольского авторитета, как предварительная инстанция истины, чтобы руководить Вселенской Церковью, забывая, что этот авторитет принадлежит только апостолам, и невозможно этот авторитет передать преемникам.

Таким образом, в античности, через первенство пап в течении истории была аннулирована синодальная и соборная система, что и дало повод к построению пирамидальных и вертикальных структур, и Церковь из общины стала монархией.

Поэтому сегодня, в контексте таких апелляций к единству всех христиан, является не эффективным.

Но интересно, что при всем этом одновременно в экуменическом диалоге везде возникает тенденция как бы ностальгии и тоски у остальных Церквей, не соединенных с Римом (протестанты и православные). Например, с точки зрения православной Церкви, которая нас особенно интересует, Патриарх Константинопольский в своем высказывании принимает, что «...Рим - это первопрестол в чести и порядке внутри организма поместных Церквей» .

Все эти вещи дают нам право поставить вопрос: наши отделенные братья от чего отказались - от самой идеи примата или от такой формы использования примата, т.е. его реализации?

Теперь есть смысл обратиться к истокам, т.е. Новому Завету, и посмотреть, что же там говорится о служении Петра?

Глава 2. Примат Петра в Новом Завете.

Существование особой функции Петра в Новом Завете, «служения Петра» в настоящее время признается подавляющим большинством, хотя возникают и различия в понимании его передачи и форм, в которых оно осуществляется применительно к различным эпохам.

Оценка этого процесса должна происходить не на основе критических методов исторического анализа, а на основе исторической герменевтики, улавливающей логику и смысл событий. Эта логика разворачивается в двойной системе координат: апостольской, поскольку происходит от Петра в лоне Предания и общего свидетельства Апостолов; и католической, поскольку служит все возрастающей вселенскости Церкви, распространяющейся по миру. Поэтому, хоть Новый Завет и не предлагает законченную доктрину, он дает увидеть зародыш убеждения, находящийся в развитии, но теснейшим образом связанного с самой историей Петра.

Здесь мы можем увидеть три основных момента:

- на протяжении всего служения Иисуса Петр играет совершенно особую роль. Он не был первым из числа Двенадцати призванных, но он чаще всего упоминается (114 раз), первым упоминается в общем перечне Апостолов (см. Мф. 10,2), его дом служит точкой опоры для деятельности в Капернауме (Мк. 1,29), он - особый свидетель самых важных событий (Мк. 5,2-43; 9,2-10; 13,3; 14,32-42) и является выразителем мнения группы учеников (Мк. 1,36; 10,28; 11,21; а особенно 8,27-30). Эти данные приобретают особую значимость, учитывая, что недостатки Петра никоим образом не скрываются, также как его бегство и отречение.

Поэтому правдоподобна перемена имен (Мф. 16,18) и его символическое значение:

Симон становится Петром || Кифой, потому что дает надежность, прибежище, помощь в трудностях;

в пасхальных событиях его протогонизм продолжает развиваться и подчеркиваться. Он был первым из учеников, кому являлся Воскресший (Лк. 24,34; 1Кор. 15,5) и первым, кто

полностью уверовал.

Петр становится первым свидетелем (в Ин. 20,3-10 мы видим, как любимый ученик «выходит из гроба», чтобы уступить первенство Петру), а потом - связующим элементом для объединения Двенадцати в Иерусалиме. В эти моменты начала Церкви он играет чрезвычайно активную роль: не только как выразитель мнения группы (в столь экклезиологически решающие моменты, как Пятидесятница: Деян. 2,14 и след.), но и как инициатор замены Иуды Матфеем (Деян. 1,15 и след.), как покровитель самарянских церковных общин (8,14), как гарант распространения начинаний (9,32 и след.) и принятие язычников (10,34- 38).

Уже эти последние данные дают возможность увидеть его роль в поддержке единства распространявшейся Церкви, общения между Церквями. Осуществление этого служения упоминается в Новом Завете множество раз: Деян. 15 и Гал. 2,9 показывает его ищущим согласия между иудео-христианами и язычниками, узаконивающего этим согласием гармонию прошлого с будущим; в Антиохийском конфликте (Гал. 2,11-14) Петр предстает как занявший срединную позицию между очень радикальной позицией Павла и позицией тех, кто чувствовал себя более связанным с иудейским наследием; тексты, которые ему приписываются (1 и 2 Петр.) позволяют увидеть ту же функцию синтеза; Ин. 21 говорит о том, что даже общины Иоанна признавали функцию Петра.

Схождение всех этих трех уровней концентрируется наиболее интенсивно, происходя в Мф. 16,17-19. Текст включает особую традицию, но совершенно совместимую с другими, поскольку отражает опыт, общий во всех Церквях:

а) это перенос в послеапостольскую эпоху, поэтому Петр предстает как великий раввин, толкователь закона, что является неустранимой частью процесса передачи и актуализации апостольского предания;

б) в Церкви, внутри которой есть разные течения, Петр является фактором единения, встречи и посредничества, тем, на кого все могут смотреть как на пункт примирения в общении.

Этот текст свидетельствует о явном арамейском влиянии и отражает палестинский контекст, который говорит нам о раннем его создании. С точки зрения его исторического характера он, без сомнения, выражает намерение Иисуса и ясное, и формальное отношение к функции Петра. Не существует решающих аргументов против историчности рассказанного факта, который, кроме того, оказывается связанным с другими данными новозаветного предания:

а) роль Петра в Новом Завете, такой, какой мы ее обрисовали, обусловлена не его личными качествами или естественными способностями руководить, а расположению Христа;

б) тот факт, что Иисус дал Симону имя Кифы, не подлежит сомнению, поскольку постепенно это имя заменяет собой его изначальное имя, что видно во всей совокупности новозаветных текстов;

в) это изменение имени обладает ясным значением: оно - не то же самое, что прозвание Иоанна и Иакова «Сынами Громовыми», а подобно, скорее, тому, что произошло с Авраамом, Сарой и Иаковом (Быт. 17,5.15; 32,29): они получают имя избрания и милости, выражающее ту роль, которую им предстоит сыграть в истории спасения; это приобретает еще большее значение в семитской ментальности, непосредственно связывавшей имя с сущностью вещей;

г) даже если можно усомниться в историчности выражения «моя Церковь», то означенная им реальность несомненна: стадо того, кто является пастырем, мессианская община, начавшая свое существование в Двенадцати; эта ссылка на общину, основанную Христом, еще значительней, учитывая, что этот отрывок мы находим в момент, когда растет оппозиция Его служению, а потому более насущным становится обеспечить преемственность Его дела;

д) если Симон назван камнем и означает камень, то выделяется особым образом его функция придавать прочность всему зданию, которое возводится и на которое обрушатся

многие бури и вражда;

е) «ключи», которые он получает, имеют отношение к управлению домом или территорией, это подобно власти, вверяемой управляющему, чтобы управлять владением господина (см. Ис. 22,19-22);

ж) выражение «связывать и развязывать» в свете раввинических параллелей означает авторитет (что для нас особенно важно) в порядке служебных решений, деятельность законодательства, способность принимать в общину или исключать из нее;

з) Петр заранее и лично получает власть, которая будет дана и другим членам Двенадцати (см. Мф. 18,18; Ин. 20,23);

и) эти указания текста Матфея подтверждаются текстом Лк. 22,31, экклезиологическая важность которого не следует недооценивать: из той же заботы о будущем своего мессианского дела, Иисус оградит Своих посредством веры и служения Петра, которые в равной мере исходят от воли Того же Христа.

Поэтому мы можем очертить границы и содержание служения Петра с самого его начала:

1) в нем выражается и сакраментализируется гарантия верности Божией: перед лицом всех разрушительных сил в служении Петра Бог дает увидеть силу Своей победы во Христе и через Него;

2) слова о ключах и о власти связывать и развязывать содержит компонент авторитета: власть Иисуса не теряется и не растворяется, а продолжается в различных церковных служениях;

3) эсхатологическое измерение предвосхищается в служении Петра, поскольку оно учреждается как «управление» Церковью, вплоть до Паруссии;

4) это служение имеет силу для всех церковных общин, потому что на него возложено управлять всеми братьями в вере (Лк. 22,31-34; Ин. 21,15-19).

Несмотря на свои прерогативы, Петр не должен рассматриваться сам по себе, изолированно от Двенадцати или от Церквей. Он первый, но не единственный. Он говорит, но вместе с другими и от их имени. Он гарантирует единство, но не упраздняет различия. Он - камень, но другие образуют фундамент (Еф. 2,20) .

Глава 3. Примат Папы в контексте первых семи Вселенских Соборов.

После Нового Завета тема примата Петра продолжает играть решающую роль в литературе древней Церкви.

Таким образом, Римская Церковь уже с самых древних времен является как хранительница привилегированной традиции, с которой необходимо быть в единении.

Римский епископ считал себя призванным заботиться «о мире всего мира и благосостоянии святых Божиих Церквей».

Нет сомнений, что еще с конца I века римская община заняла первое место по своему влиянию во всем христианском мире. Имело значение здесь, конечно, то, что Рим был столицей империи, священным, вечным городом в глазах всего древнего мира. В 1-ом послании Климента римская община выступает пред нами благоустроенной, сильной и с сознанием своей обязанности нести заботу о всей Церкви. Дисциплину «наших воинов» она ставит для себя и для других общин, как образец, и связывает с «христианской дисциплиной любви». Масштаб предания «она хочет твердо держать». Церковною жизнью должен управлять порядок, дисциплина и послушание, а не мечтание и произвол.

Но не одними материальными средствами была богата римская община и не чрез них только она достигла влияния и авторитета в древней Церкви. Ее нравственная сила, ее духовный авторитет также всеми признавались. Об этом свидетельствует послание Климента к Коринфянам и послание святого Игнатия римской Церкви. Последний поручает свою осиротевшую общину римской Церкви, между тем, как Антиохия пространственно очень

далека от Рима.

Первенствующая в любви, римская община первенствует также и в развитии церковного учения. Все великие вопросы из христианского учения, которые возникли во II-III веке, находили в Риме свое решение для всей Церкви. «Замечательная историческая случайность», удивляется профессор Болотов (Лек. III, 255), то мнение, которое римские епископы отстаивали, в конце концов одерживало победу. Так было с вопросом о праздновании Пасхи, о дисциплине относительно падших, о перекрещивании еретиков. Все это не могло не импонировать на весь христианский мир. Еще большее значение принадлежало Риму в области развития церковного устройства. Если единоличный епископат появился не в Риме, а на Востоке, то в Риме он приобрел высокое значение. Идею апостольского преемства впервые провозгласили римские епископы (Климент - 1 послание к Коринфянам VII и XLIV). Римский епископ был первый между епископами, который приобрел наиболее полную власть. Первый епископский каталог был составлен в Риме; он начинался с Петра и Павла. По Иринею Римская община - это масштаб для всех других Церквей. Всякая истинная Церковь должна согласоваться с Римской общиной, как в вере, так и в церковном устройстве. В этом заключается «*potior principalitas*» (более важное значение). В этом свойстве коренится сила Римской общины. Вне римской Церкви нет христианства, т.к. Римская Церковь, по выражению святого Киприана (ep. 48), *Matrix et radix ecclesie catholicae*. Только в общении с Римом возможно существование отдельной истинной христианской общины. И это не есть личное воззрение святых Ирины и Киприана, напротив, это есть убеждение всей древней Церкви.

В 382 году Римский синод во главе с папой Дамасом ясно и недвусмысленно заявляет, что Риму принадлежит право первенства, основанное на том, что Римский епископ является преемником и викарием апостола Петра.

В тот период, о котором мы сейчас говорим, и на Востоке и на Западе было очень сильно понимание Церкви как общения, то есть той связи, которая соединяет всех верных во единую Церковь. Основным и определяющим фактором общения является истинная вера и, пребывая в общении друг с другом, Церкви тем самым взаимно признавали единство своей веры. С IV-го - IX-го века, во время Вселенских Соборов, хотя трудность продолжительной борьбы с еретиками понес и силу догматической мысли обнаружил Восток, однако Запад ничего не потерял в своем значении; наоборот, папа в это время много выиграл и среди варварских народов и на христианском Востоке.

Не принимая постоянного живого участия в догматической борьбе и работе Востока, папа, тем не менее, напряженно следил за нею и никогда не упускал случая высказать во-время ясных определенных мыслей. Папы почти всегда удачно становились на сторону ортодоксально мыслящих, входили в их печальное положение и оказывали им деятельное содействие.

Начало разногласий прежде всего на Востоке, а затем в отношениях между Востоком и Западом, было положено учреждением Константинопольской архиепископии, а потом и возвышением ее, как столичной. Вплоть до Константинопольского Собора 381 г., II-го Вселенского, первой кафедрой на Востоке считалась Александрийская.

Когда же состоялся первый Константинопольский Собор (вскоре провозглашенный вторым Вселенским) - совершенно восточный, да и к тому же явно игнорирующий Запад и заявлявший о том, что он правомочен принимать законы, обязательные для всей Церкви, - североитальянские епископы, предводимые св. Амвросием Медиоланским, высказали мнение, что сама процедура этого Собора причинила ущерб церковному единству. Они говорили, что Собору в Константинополе следовало бы прислушаться к мнению Запада, причем подчеркивая при этом, что речь идет не о соблюдении некоей правовой нормы, но о проявлении подобающего уважения к общению, через которое должны быть соединены все церкви.

В отличие от этого Собора на III Константинопольском присутствовали патриархи Константинополя и Антиохии, а остальные - начиная с Римского епископа, которым в это

время был папа св. Агафон - направили своих представителей. Так вселенское общение было представлено пентархией пяти патриархов, что и дало Собору право сразу наречь себя Вселенским.

В этом разделе мы обратим внимание на два аспекта данного периода церковной истории - на сами Соборы, их Деяния и ход прений, и на богослужебные тексты восточной Церкви, сложившиеся, в основном, именно в Эпоху первых семи Вселенских Соборов.

Еще в доникейскую эпоху поместные и областные Соборы, а затем и Соборы Вселенские, с уверенностью заявляли, что их решения принимаются по внушению Святого Духа. Если для папы, по мнению восточных отцов, главным было положение "викария апостола Петра", то для соборов - общение в Духе Святом: Тело Христово, Церковь, есть храм Святого Духа, который в момент испытаний собирает вместе поместные Церкви, чтобы явить им истину. Размышляя о I Вселенском Соборе в Никее, св. Афанасий Великий говорит, что Собор - если он в действительности является таковым - выражает общение Церквей не только в пространстве, но и во времени: его решение должно соответствовать Писанию, апостольскому учению и преданию Отцов. Св. Афанасий пока не говорит еще, что участие Римского епископа в Соборе или его присоединение к соборным решениям является необходимым условием для того, чтобы Собор мог считаться вселенским. Не скажет он этого и после, но сам факт того, что он, в конце концов, пребывая в ссылке, апеллирует к папе Юлию, красноречивей всяких слов.

Не вызывает сомнения, что каноны, принятые этим собором, являются, по сути, утверждением папы Юлия в защиту св. Афанасия. Но каноны не ограничиваются одним конкретным случаем и гласят, что каждый епископ, осужденный областным собором, имеет право обратиться с апелляцией к Риму, и определяют в связи с этим взаимоотношения между папой и областным собором.

На первом Константинопольском соборе (вскоре провозглашенном Вторым Вселенским) первенство Рима трактовалось просто как первенство чести, основанной на важной роли этого города в политической жизни империи (правило 3). Этот сугубо восточный собор, состоявшийся в тот момент, когда из-за разногласий по поводу Антиохийской кафедры общение с Западом было неполным, вполне заявляет о своей самодостаточности в Духе Святом.

Собрал его император Феодосий Великий в 381 году и только в пределах своей восточной империи. Папу Дамасия (из западной империи Гратиана) он даже и не извещал, тем подтвердив, что собор явно не вселенский, а только всевосточный и под восточным председательством. Однако вопросы, им разбиравшиеся, по их материи и качеству выходили за пределы непосредственно Востока, и потому неудивительно, что вскоре вся Церковь включила этот собор в линию Соборов Вселенских. Второй Вселенский Собор отмежевался от длинной серии ересей - евномиан, ариан, пневматомахов, савеллиан, маркеллиан, аполлинаристов, вновь подтвердив никейскую веру, составив никео - цариградский символ. Во-вторых, Собор воспретил вмешательство предстоятелей одних епархий в дела других. Многозначительно и поименно указано, что епископ Александрийский управляет только Египтом, Антиохийский - только Востоком. И, наконец, третий канон звучит так "Константинопольский епископ да имеет преимущества чести после епископа Рима, ибо Константинополь есть Новый Рим". Акцент тут, разумеется, не в борьбе с Римом, но в принижении роли Александрии, которая, в силу сложившихся исторических причин, присылала для поставления во епископы новой столицы своего кандидата.

На Эфесском (третьем Вселенском) соборе 431 года легат папы Целестина напоминает, что Христос поставил Петра основанием Церкви, Петр же продолжает присутствовать в своих преемниках, исполняя через них свойственные кассационные и апелляционные функции арбитра. И если Рим посылает своих легатов на Собор, то он делает это в силу того, что является преемником и викарием Петра. В своем послании к Собору от 15 марта 432 года он пишет, что на него возложена забота о всей полноте Церкви, являющаяся живым выражением "заботы Петра", которая простирается на всех. Далее папа Целестин цитирует Послание к

Коринфянам (2 Кор. 11, 28), в котором говорится о "заботе о всех церквях". Когда собор осудил Нестория, легат Филипп заявил, что "святые члены воссоединились с главой". Впрочем, папа сделал это еще раньше - письмом, что доставил легат, и которое было собором одобрено сразу - так, отцы Эфесского собора заявили в начале своего определения: "Понуждаемые святыми канонами и посланием нашего святого отца и сослужителя Целестина...". Трудно сказать, что содержится в этих словах - юридическая формальность или знак уважения, однако в другом месте соборные отцы называют папу Целестина новым Петром.

В ходе волнений, начавшихся после Эфесского собора, и особенно - после "разбойничьего" собора 449 года, обращения "восточных" к Риму умножились. В послании от 15 июля 432 года Иоанн Антиохийский пишет папе Сиксту III, что тот восседает на апостольском престоле и является светочем для всей Церкви Христовой. Епископы Евферий Тианский и Элладий Тарсский обращаются к папе как к тому, "кто поставлен Богом у кормила власти". Феодорит Киррский также требует суда у Рима - и не только потому, говорит он, что этот является столицей империи, но и потому, что там находятся гробницы Петра и Павла. Перейдем к Халкидонскому (Четвертому Вселенскому) собору 451 года. Помня о целях нашего исследования, мы не будем заниматься вероучительной деятельностью этого собора, обойдем вниманием и знаменитый Томос папы св. Льва Великого, а рассмотрим только вопросы взаимоотношений Римской и Константинопольской кафедр.

Предыстория исторического 28 правила Халкидонского собора вкратце такова. Авторитетом, данным ей Христом, Церковь уже за первые три века своего существования создала организацию в странах Средиземноморья. На епископов определенных важных городов была возложена особая ответственность заботиться не только о своей церкви, но и о многих местных церквях меньшего масштаба.

Церковь создала такой порядок еще во времена гонений римской государственной властью, Первый же Вселенский собор говорил о возрасте этого порядка, назвав его "старинным обычаем". Когда создавался этот порядок, государство не вмешивалось во внутренние дела Церкви, а преследовало ее; Церковь действовала самостоятельно, имея собственный авторитет, унаследованный от апостолов. Поэтому христиане считали такое устройство апостольским и престолы епископов вместе с полномочиями окормлять особо крупные территории назывались "престолами апостола Петра". Таковыми были Рим, Александрия и Антиохия (проф. Э. Х. Суттнер называет еще Эфес, Кесарию Каппадокийскую и Коринф). Возвышение Константинополя как церковного центра происходило иначе. Императоры (не совокупность епископов, имеющих апостольский авторитет) захотели, чтобы основанный Константином Великим "новый Рим" возвысился и в церковной структуре. Таким образом, повышение церковного статуса должно было произойти, потому что государство административно возвысило Византию, а не потому, что Церковь своим авторитетом распорядилась о подобном возвышении. К тому же, для того, чтобы епископ Константинополя по желанию государства мог получить территорию, на которой он мог бы окормлять другие поместные церкви, епископы Эфеса и Кесарии Каппадокийской должны были лишиться своих прав и обязанностей, которые они имели в соответствии с "апостольским порядком".

Ко времени созыва собора в Халкидоне столичный епископ, имевший местопребывание внутри старой Ираклийской митрополии и не владеющий нормальной епархиальной территорией, быстро приобрел для своего патриархата диоцезы Фракии, Понта и Асии, основываясь, в основном, на том, что тамошним епископам гораздо удобнее обращаться за судом не в свои митрополии, а в новую имперскую столицу. Фактически, так и была создана Константинопольская кафедра, ничуть не задев границ влияния древних патриархатов. Собственно, никому и в голову не приходило возражать против всеми признанного первенства авторитете Римского престола. Первое место и так было безоговорочно признано за идеальной столицей - древним Римом. Речь, в общем, шла только о признании реальной власти епископа Рима Нового - столицы реальной.

Но обеспокоенные представители Рима усматривали в этом деле прямое оскорбление первенствующей апостольской кафедры.

Этот протест - апелляция выслушан был без всяких обсуждений, как акт бесспорно правомерный и на этом представители императора немедленно закрыли последнее заседание собора.

В письме Константинопольского епископа Анатолия папе св. Льву он пишет: "мы заботились обо всем, что касается Вашей славы и подобающей чести, и свидетель Бог, как мы удостоили их (легатов) почета, и ради почета, который мы Вам оказываем, святой собор послал Вам сказанное постановление, а также и мы, дабы получить от Вас одобрение и утверждение, умоляем же Вас, о святейший, да будет это совершено Вами. Ибо Константинопольский престол имеет отцом Ваш Апостольский престол".

Любопытно то, что эта длинная цитата, найденная нами в книге кн. А. Волконского, благоразумно опущена в русских изданиях Деяний Вселенских соборов, нет ее ни у Болотова, ни у Карташева. Нельзя отрицать: это послание написано иерархом, признающим над собой безусловное первенство Рима, и иерарх этот - Константинопольский архиепископ. Таким образом, с точки зрения папы Льва, этот канон был бы результатом неумеренного честолюбия и дурным примером для всякого рода притязаний и вел бы к анархии в Церкви. Так папа и не утвердил этот канон.

Надо признать, что в дальнейшей истории Западной церкви не только молчаливо, фактически, но и формально, соборно, сила 28-го правила была Римом признана.

Пятым Вселенский собор был созван в 553 году императором Юстинианом Великим по соглашению с папой Вигилием (537 - 555). папа находился в Константинополе, но разойдясь в вопросе, который подлежал обсуждению собора, с мнением императора, на соборе не присутствовал. Вигилий послал императору свое "отдельное мнение", а потом, когда был за него сослан, утвердил постановления собора.

Эти малодостойные колебания папы Вигилия, его отношение к собору - самый, пожалуй, трудный вопрос в диалоге о примате Римской кафедры, особенно в части, касающейся папской безошибочности. На самом деле, поведение папы Вигилия вопроса безошибочности не касается: собор о вере не рассуждал, а поэтому и ошибиться в вере Вигилий не мог; однако, цели настоящего исследования это не касается, свое же внимание мы обратим здесь только на отношение Востока к папскому авторитету.

Шестой Вселенский собор был созван в 680 году императором Константином IV и имел предметом своих рассуждений монофелитскую ересь. Соответствующая грамота была послана "Домну, святейшему архиепископу древнего Рима и вселенскому папе"; вручена же уже папе Агафону, так как Домн, чей понтификат был весьма короток, не дожидаясь прибытия посланца императора.

Папа св. Агафон созвал в Риме подготовительный собор западных епископов, назначил четверых легатов председательствовать на Вселенском соборе и написал императору послание, в котором изложил православное учение о двух волях.

Послание это, прочитанное на 4-м заседании, гласило, что в силу покровительства апостола Петра Римская церковь никогда не отклонялась от пути истины и что она "пребудет неповрежденной до конца по божественному обетованию Самого Господа Спасителя, которое изрек Он верховному апостолу". Далее папа Агафон пишет: "Итак, да видит Ваше Величие, что Господь, обещавшись сохранить неповрежденную веру Петра, заповедал ему утвердить своих братьев. Всем известно, что эту заповедь всегда верно исполняли апостольские первосвященники, предшественники моего смирения, и моя малость при всем неравенстве с ними и ничтожестве, восприняв по Божественному благоволению служение, желает следовать по стопам их..."

Послание заканчивается так: "Свет учения нашей кафолической и апостольской веры, исходя из источника всякого света - Христа, через князя апостолов Петра и его преемников по кафедре Римской до Агафона включительно, светит всему миру, и никакой еретический мрак не затмит его".!*

Папа уверяет, что "апостольская церковь - мать империи" всегда сохраняла правильность и чистоту веры и, по благодати Божией, никогда не впадала в ереси. Он следует примеру своих предшественников, и, многократно повторяя о православии Римского престола, дает понять, что и Гонория не считает впадшим в ересь.

По завершении собора, в речи, обращенной, опять же к императору, очень подчеркнута, выдвинута православная характеристика Рима, по аналогии с Халкидонским собором. "Рим - старец простер тебе (императору) богоначертанное исповедание. Хартия превратила ночь в день, чернила издавали свет, через Агафона говорил Петр...". Собор просил папу утвердить его решения, что и было сделано преемником Агафона Львом II: "Он подписывается под решениями собора и утверждает их властью блаженного Петра".

У отцов Шестого Вселенского собора прослеживаются две тенденции.

Одни отцы, и похоже, их было большинство, признавая первенство римской кафедры, престиж, моральный авторитет которого неоспорим, говорили: "Через Агафона говорил Петр", потому что послание последнего выразило веру Петра. Другие считали, что по воле Божией Рим несет особое служение Петра. Оно являлось основанием для некоторых преимуществ Рима в юрисдикции.

Вместе с тем, первые отцы вовсе не утверждали, что Петр вещает устами любого епископа, - они относили эти слова лишь к епископу Рима. Вторые, в свою очередь, вовсе не считали, что служение папы - преемника Петра - может осуществляться им единолично, но только в общении с собором, в общении с Церковью.

Обе эти тенденции с особой остротой проявляются в период, предшествующий Седьмому Вселенскому (Второму Никейскому) собору 787 года, и во время самого собора, но на этот раз вторая тенденция усиливается. И церковная иерархия, и императоры Византии поддерживали иконоборчество. Единственной поддержкой, на которую следовало рассчитывать иконопочитателям, оставался Рим, и они стали говорить о "заботе" Рима о всех церквях.

Во время собора к папским легатам относились с величайшим почтением, их имена указывались на первом месте в Деяниях, а сама Римская церковь была названа церковью апостола Петра. И именно легаты поставили свои подписи - от имени папы - под догматическим определением собора.

В годы иконоборческого кризиса, а особенно в сложный период усваивания решений Седьмого Вселенского собора, многие открыто ссылались на авторитет папы, освященный Петром.

На обращение императрицы Ирины папа Адриан ответил достопримечательным письмом поллатыни, греческий перевод которого (с весьма значительными купюрами) был зачитан на второй сессии собора. Письмо это свидетельствовало, что за время Вселенских соборов, и особенно, в период иконоборчества, в Риме сформировалось твердое самосознание своего догматически обязательного для всей Церкви первенства власти, происходящего из преемства ее от апостола Петра.

Слишком долго греческий Восток закрывал на это глаза, не отвечая ни да ни нет. Теперь же самой нуждой подобного обращения он выражает согласие с точкой зрения Рима и не смеет вступать в спор в момент поиска заступничества и соединения.

В окончательном варианте "Деяний" собора есть отрывок, в котором папа призывает почитать "викария Петра" и в котором Рим называется "главой всех церквей Божиих". В общем, отчетливо видно, что на последних трех Вселенских соборах какая-либо богословская мысль в диалоге о папском примате отступает на второй план; первый занимает тонкая и красивая интрига, проистекающая из традиции, политики и юриспруденции.

Хочется добавить, не вступая в излишнюю полемику, сразу скажем, что богослужебные книги, греческие и славянские, неоспоримо свидетельствуют о том, что ранний христианский Восток исповедовал первенство апостола Петра. Так, ссылаясь на Тондини де Гуаренги, А. Волконский насчитывает сорок наименований, которыми восточные христиане именуют Петра - от "основания апостолов" до "ключаря Небесного Царствия". В список помещены и

"апостолов первоверховный", и "первостоятель лика апостольского", и "наставник апостолов".

Так, о папе св. Клименте: «Петра верховного ученик, отче, быв, на камени того создал еси, яко камень честный тебе самого, всехвальне... Священноначальник явился еси, к благочестивой вере Христовой вся возводя божественными твоими сказаниями. Новый Петр, Петрова престола преемник показался еси, просвещая всю тварь».

О папе св. Сильвестре Церковь поет: «Столп явился еси огненный, священо предводя священный Собор... Верховник явился еси священнаго Собора, священнотайниче, и верховного учеников (то есть, Петра) украсил еси престол... Яко божественный верховник священных отцев, священное учение утвердив, еретиков заградил еси уста».

И о папе св. Льве Великом: «Что тя именуем, богодухновенне? Главу ли православныя Церкви Христовы? Проповедника ли истины и основание твердо, старейшину верховнаго Собора честнаго (имеется в виду Халкидонский Вселенский Собор)?.. Петра верховнаго престола наследник был еси... Петра честнаго преемник и сего начальством обогатився, уста заградил еретикам».

Итак, древнее православие хранило религиозную веру в то, что Римский епископ есть преемник «верховнаго учеников», оно верило в главенство Папы.

К тому можно еще добавить, что те папы первых веков, которые проявили "больше всех твердости и мужества в отстаивании учения о главенстве Римского епископа, были причислены к лику святых и по сей день почитаются как святые, даже в отпавших восточных Церквях".

В отношении же вопроса о первенстве папы история древней Церкви говорит нам о следующем:

1. Первенствующее положение Римская церковь занимала в системе нескольких кафедр - своеобразных центров общения, признававшихся таковыми на Востоке и на Западе, каждая из которых имела свой неоспоримый авторитет в окормляемой ею части империи.
2. Право первенства, признаваемое за Римским епископом, осуществлялось в самых разнообразных формах и реализовалось Римом и в отношениях (право решения) с Соборами, и при вмешательстве во внутренние дела той или иной церкви (пример патриарха св. Тарасия).
3. В некоторых случаях древняя Церковь проводила различие между заботой Римского епископа об общении всех церквей в единой вере и более непосредственной ответственностью местного правящего архиерея за церкви его округа (в прочем, всегда имея в виду право апелляции к Риму).
4. Уже в ранний период церковной истории первенство Рима стало по-разному истолковываться на Востоке и на Западе, что, однако, не повлекло за собой разрыва в общении.
5. И, самое главное, - несмотря на то, что могли иметь место отдельные затруднения и конфликты по поводу конкретных форм осуществления Римской кафедрой своего права первенства, само это право никогда не ставилось под сомнение.

Выводы эти не должны создавать иллюзий ухода в прошлое. Напротив, нам надо хорошо оценить то развитие, которые они получают в ходе истории, ибо именно эти обстоятельства сыграют важную роль в создании централизованной системы Римской церкви и децентрализованной - восточных автокефалий.

Глава 4. Эволюция примата после раскола Церкви.

В предыдущей главе мы показали, что Восток семи Вселенских соборов веровал так же, как Запад. Тексты ряда великих восточных отцов свидетельствуют, что они признавали авторитет Римского первосвященника; четыре Вселенских собора (III, IV, VI, VII), состоящие почти исключительно из восточных епископов, торжественно заявили, что признают учение

римского престола безошибочным; свыше двух тысяч епископов подписали соответствующую формулу папы Гормизды. Все связывают истинность вероучительства римских епископов с их преемством апостолу Петру.

4.1. В средневековье.

4.1.1. Папа и его новые политические отношения.

Совершенно новая ситуация возникла после коронации императора Карла Великого в 800 году.

Конечно, папа Лев III (795-816) не стремился к обострению. Он хотел короновать Карла как единственного императора всей империи. В Риме считали, что императорский трон не занят. Ирина, вдова Константина V, стала регентшей при своем несовершеннолетнем сыне Константине VI. Будучи регентшей, она заботилась о прекращении той схизмы с Римом, которая возникла из-за иконоборчества, и созвала Вселенский собор. Когда ее сын стал совершеннолетним, она осталась по существу правительницей. Так впервые в Константинополе женщина претендовала на то, чтобы править от собственного имени, а когда ее сын стал противиться этому, она свергла его и стала именоваться василевсом. Не везде это было принято, и римляне, в том числе, считали константинопольский престол вакантным. В Риме хотели спасти империю и дать ей нового императора. Для этой цели избрали Карла, который, чтобы сохранить единство империи (и перенести ее столицу на Рейн, в Аахен), Карл хотел жениться на Ирине. В 802 году его посланники прибыли в Константинополь, чтобы договориться о свадьбе, но Ирина была низвергнута в результате дворцового переворота военными, не желавшими переноса столицы на Запад. В результате императорская власть сохранилась и в Византии; теперь империя была окончательно разделена.

Обе стороны претендовали на то, что они имеют единственно законного римского императора; не было больше инстанции, которая устраивала бы всех. Отсюда проистекает вывод, весьма важный для нашего исследования: никто более не мог пригласить епископов отдельных сторон на совместный Вселенский собор. Действительно, после коронации Карла императором не состоялось ни одного Вселенского собора, признанного и Востоком, и Западом.

4.1.2. Время Латеранского Собора.

В условиях борьбы за инвеституру власть римских епископов все более укреплялась, все более отчетливо заявляли они о своих правах. Так, папа Урбан (1088-1099) в нескольких письмах говорит о полноте власти, дарованной апостолу Петру, и добавляет: "Действием того же Господа ему также дается и твердость личной веры, и утверждение веры чужой, когда изрек ему: Я молился о тебе".

Папа Пасхалий II (1099-1118) обязал западных митрополитов подписать формулу послушания апостольскому престолу: "обещаю повиновение... признавая то, что признает, проклиная то, что прокликает святая Вселенская Церковь".

Четвертый Латеранский собор 1215 года называет Римскую церковь «матерью и наставницей всех верных».

Папа Климент IV в 1267 году своей властью преподает исповедание веры, которого просил император Михаил Палеолог в видах предполагавшегося соединения с Римской церковью. Исповедание это заканчивается учением "о верховном и полном первенстве и главенстве Римской церкви над всей Вселенской церковью", и главенство это получено "от Самого Господа блаженным Петром - князем и вершиной апостолов, коего преемник Римский Первосвященник. И подобно тому, как Римской церкви подобает прежде всего защищать истину веры, так надлежит определять ее суждением и вопросы веры, как таковые возникнут". Это исповедание папы Климента было торжественно принято отцами второго

Лионского собора 1274 года.

4.1.3. Споры после разделения,

Возвратясь на несколько десятилетий, мы вспомним эпоху завоевания Константинополя крестоносцами. Именно к этому периоду (1205-1206) относятся первые византийские памятники, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу. Только в XIII веке на Востоке вновь поднимается вопрос о католическом учении о папском примате. В значительной мере это произошло по той причине, что в Византии долгое время не представляли или не хотели представлять (часто по причине сложных исторических обстоятельств), что учение о главенстве Римского первосвященника начало приобретать догматический характер.

Но после вступления крестоносцев в Константинополь римский престол начал назначать епископов на древние восточные кафедры. Именно это событие поставило византийцев перед постулатами латинской экклезиологии. До сих пор они не представляли себе, чтобы политика Рима могла пойти в разрез с древним каноническим порядком избрания епископов, и чтобы римская юрисдикция могла претендовать на распространение вне пределов Запада.

Византийским богословам пришлось заново взглянуть на положение апостола Петра среди других апостолов и на возможность преемства римского епископа от Петра, ибо утверждение о Петровом главенстве и епископстве в Риме оставалось основным доводом для обоснования учения о папском примате в западной традиции. В связи с этим выделяются две группы византийских богословских сочинений:

1. Толкования на новозаветные книги и проповеди в день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла.

2. Полемические произведения, касающиеся учения о папском главенстве.

Следует сказать, что для древних святоотеческих толкований характерно утверждение некоторого равенства апостолов при первенстве Петра. Кроме того, в этих толкованиях отсутствует позднейшее искусственно - полемическое противопоставление апостола Петра и его исповедания. Эта традиция наследуется подавляющим большинством византийских богословов даже в эпоху крестовых походов.

Так, Феофилакт Болгарский (XI в.) писал: "Если Иаков получил Иерусалимский престол, то Петр был поставлен учителем Вселенной" .

Святитель Григорий Палама называет Петра "первым среди апостолов" . Но в этих толкованиях, наряду с бесспорным признанием авторитета апостола Петра, часто встречаются высказывания и о равенстве всех апостолов и о возможности уподобления апостолу Петру. Так, Феофан Карамевс пишет: "Господь дает ключи апостолу Петру и всем тем, кто ему подобен" .

Во второй группе богословских памятников, наряду с признанием, в целом, первенства Петра на основании текстов Нового Завета, делаются попытки опровергнуть доводы западных богословов в пользу главенства Римской кафедры, основанные на предположительном факте епископства Петра в Риме. Эта полемика проводится, причем, уже исходя из более широких экклезиологических соображений. Так, проводится различие между служениями апостольским и епископским. Служение апостола Петра, как и служение других апостолов, понимается в этих сочинениях как служение, не связанное каким-либо особенным образом с неким определенным местом, а как распространяющееся на всю вселенную, и, таким образом, нельзя связать служение Петра единственно с Римом, тем более, что его пребывание в Антиохии и Иерусалиме засвидетельствовано не в пример лучше.

Служение апостолов состояло, прежде всего, в благовестии, в созидании новых церквей, где они поставляли епископов. Признавая проводимую аналогию между, с одной стороны, Петром и другими апостолами, а с другой - Римской церковью и другими церквами, византийский богослов Иоанн Каматир делает вывод: "Мы согласны почитать апостола Петра первым учеником Христовым и Римскую церковь мы почитаем первой по чину и по чести, но мы не видим, чтобы Писания обязывали нас признавать ее матерью других и заключающей в себе другие церкви". Неизвестный константинопольский патриарх писал:

"Мы также признаем, в ином смысле, апостола Петра - корифеем, по неизбежному порядку... Но - апостола Петра, а не папу. Ибо папа был когда-то первым среди нас, когда его мысль и его ум были согласными с нашими... Пусть будет восстановлено тождество веры, тогда и он пусть берет первенство".

Протоиерей Иоанн Мейендорф обращает внимание еще на один чрезвычайно важный аспект в той византийской литературе, которую принято называть антилатинской: утверждение благодатной равноценности всех поместных церквей. Здесь римскому универсализму, основанному на едином институционном и организационном центре и, следовательно, носящему внешний характер, противопоставляется универсализм веры и благодати, ибо благодать Божия полностью присутствует во всякой местной церкви во всей ее иерархической и сакраментальной полноте. Первенство же Рима византийские богословы объясняли, в соответствии с 28-м правилом Халкидонского собора, в основном, историко - политическими причинами.

Итак, реакция восточного церковного сознания в рассматриваемый период на западное учение о примате, с одной стороны, имеет тенденцию не столько приуменьшать первенство Петра среди апостолов, сколько освободить его от юридического понятия власти; а с другой стороны, и это главное, Петрово главенство ничуть не отрицается, но понимается в свете отличной от универсалистской западной экклезиологии.

4.1.4. Пути примирения.

В таких условиях император Михаил VIII, восшедший на константинопольский престол после изгнания крестоносцев, стал искать пути примирения церквей Востока и Запада, начав переговоры с папой, который в результате церковного реформирования XI и XII веков стал полновластным главой латинской Церкви. И папа, и василевс считали, что правильным будет искать примирения на путях богословских соглашений. Они считали, что вопрос о "филиокве" был главной причиной недоразумений, и что если этот вопрос будет решен, то церковное единство станет реальностью.

После длительных переговоров папа Григорий X созвал в 1274 году собор в Лионе, куда съехалось около пятисот епископов с Запада и Востока; прибыли в Лион и посланники восточного императора. Сначала на соборе западные богословы объяснили латинское учение о нисхождении Святого Духа в специальном догматическом определении, составленном так, что оно отвечало на возражения греков. Затем послы Михаила VIII объявили, что греческая церковь вполне может согласиться с этим объяснением. После этого все собравшиеся епископы вместе пропели Символ веры.

Когда византийские послы вернулись с собора, оказалось, что антипатия греков по отношению к Западу была слишком глубокой, чтобы им с готовностью принять результаты всей богословской работы обеих сторон (говорят, что если сегодняшнему греку напомнить о завоевании Константинополя крестоносцами, то его реакция будет такой же, что и восемьсот лет назад). Царственный покровитель церкви, император Михаил, так стремившийся к церковному единству, ничего не мог сделать, чтобы его греческий епископат согласился с богословским определением 1274 года. Более того, когда он умер, и греки, и латиняне отказали ему в церковном погребении: восточная церковь сочла его душу отданной Западу, папа же Мартин IV упрекнул покойного в том, что он слишком мало сделал для того, чтобы подвигнуть греков к церковному единению.

Таким образом, признание богословами в 1274 году того, что у Востока с Западом может быть общее понимание "филиокве" не смогло прекратить раскола, потому что не было его причиной. Напротив, оно стало предметом пререканий и тогда, когда совсем иссякла взаимная любовь - вопрос о предрержании бразд правления христианами был камнем преткновения, вкупе с обострившимися политическими и экклезиологическими вопросами. Именно это нужно было использовать в качестве предпосылки для того, чтобы христианский мир по-новому хотя бы взглянул на проблему возобновления добрых отношений между

латинянами и греками.

V. После Лионского собора. В Константинополе после Лионского собора начался период интенсивного изучения церковных расхождений и дискуссий по этому поводу. И защитники, и противники примирения изучали одни и те же вопросы. Когда же к концу XIV века усилилась угроза Византийской империи со стороны Османской державы, василевс и его советники настойчиво потребовали заключения церковной унии, в надежд на военную помощь.

Насколько сильно политические трудности способствовали поиску церковного единства, видно из слов византийского хрониста Георгия Фронтса, бывшим в связи с императорским домом и хорошо осведомленного о настроениях двора. В его хронике василевс Мануил II (1391-1425) говорит своему сыну, что тот должен хранить идею унии с Римом, потому что она внушает страх туркам.

4.2. В Новое время.

Находясь в столь затруднительном положении, император Мануил стал торопить епископов Востока найти, наконец, способы согласия, дабы осуществить церковное единство.

Так как было действительное желание достичь соглашения, то решили созвать Собор. И после долгих предварительных переговоров встреча произошла в 1438 году в итальянском городе Ферраре; из-за эпидемии, внезапно вспыхнувшей там, собор позже перенесли во Флоренцию.

Римский первосвященник созвал западных епископов, так как на Западе полномочия светских властей созывать церковные синоды были упразднены со времени, пожалуй, Карла Великого и ближайших его преемников. Греческие же епископы из восточных поместных церквей, были приглашены, согласно древней традиции, императором. Папа со своими епископами и советниками, с одной стороны, и византийский император со своими епископами и советниками, с другой, составили повестку дня для переговоров и следили за происходящим. Иными словами: было проявлено уважение к тому, что греки по-прежнему представляли образ церкви, "скроенный на царя", по меткому выражению проф. о. Сутнера, как и во время семи Вселенских соборов; а латиняне - иной, опирающийся на авторитет апостола Петра и его преемников в Церкви. Важно, что и латинские, и греческие епископы были готовы сделать значительно больше, чем было сделано в Лионе. И, хотя деяния собора показывают, что его участникам было весьма непросто достигнуть согласия, что высказывания их по спорным вопросам были нередко слишком решительны и нетерпимы, только тот, кто не отдает себе отчета в знании ситуации тех времен, может прийти к мнению, что греки и латиняне были тогда также чужды друг другу, как католики и православные XIX и XX веков, которые высказывали почти то же самое. Но в XIX и XX веках католики и православные убеждены, что из-за этих различий они настолько чужды друг другу, что уже не считают возможным встретиться на совместном соборе. Тогда же, в 1438 году, собор состоялся. К сожалению, чаще всего подобного анализа не делают. И, как следствие тому, современные полемисты, западные и восточные, сегодняшние взгляды, весьма отличные от взглядов прежних веков, приписывают именно прежним векам. Так создается миф о том, что древней церковной традицией считается то, что было принято лишь в позапрошлом веке. На соборе в Ферраре - Флоренции изучались, в основном, четыре богословских вопроса: о филиокве, о квасном и пресном хлебе для Евхаристии, о чистилище и, ныне нами рассматриваемый - о прерогативах Римского епископа. На нем была достигнута уния, по крайней мере, на бумаге, с Восточной Церковью и 6 июля 1439 года издан декрет «Laetentur coeli». По этому декрету Константинопольский патриарх и все другие митрополиты и епископы Восточной Церкви признавали примат папы над всеми Церквями при сохранении своих литургических традиций³³.

Никто не сомневался в том, что Римскому престолу с древнейших времен принадлежали прерогативы, и отцы Флорентийского церковного собрания пришли к единому мнению в

декрете "Laetentur coeli", что папа имеет полномочия, "как указано в документах Вселенских соборов и в святых канонах". Правда, интерпретация преимущественных прав и их использования претерпели с римской стороны изменения в период между семью Вселенскими соборами и собором во Флоренции, и позже эти изменения продолжали развиваться. Лишь на I Ватиканском соборе, спустя четыре века после Флоренции Католическая Церковь смогла дать определение юрисдикционному примату папы в авторитетном высказывании, а значит - поставить границы между "слишком много" и "слишком мало". В пятнадцатом веке никто не был способен на взвешенное понимание папского юрисдикционного примата, которое включало бы в себя требование всего того, но и только того, что является догмой Католической Церкви. Католики и не католики в продолжение веками развивавшейся практики римского авторитета могли считать, что происходящее в Риме - вполне подходящий способ осуществления того, что всегда было прерогативой Римской кафедры. Или они могли рассматривать происходящие в Риме изменения, скорее, как искажающее самую суть нововведение, нежели как выявление древнего церковного обычая. Оба эти взгляда могли бы иметься в виду в формулировке декрета "Laetentur coeli". Но то, что эта проблема не была обсуждена, должно было привести в последующие века к возрастанию межцерковной напряженности. Не будем, однако, спешить отрицательным приговором деяний флорентийских отцов. В то время вопрос просто еще не созрел для окончательной формулировки. Ведь собором, как мы показали, руководили два авторитета - императорский и апостола Петра. На соборе, который признавал обе возможности, не было возможным сделать окончательное заключение одной из них. Впрочем, все соборные отцы, за исключением Марка Ефесского, подписали богословское примирительное соглашение. Но латиняне и греки были настолько неготовы по-настоящему пойти навстречу друг другу, что достижения богословов не смогли сказаться на церковной жизни. Правда, в последующие двести лет все готовые к примирению восточные епископы придерживались богословских достижений Флоренции и надо признать, что с их стороны в области богословия согласия было больше, нежели отвержения. Но, как целостный организм, ни западная, ни восточная Церкви не были в состоянии сделать практические выводы из богословского соглашения.

Вот такие удивительные парадоксы можно встретить в истории! В то время, как большинство Западного собора открыто противодействовало папской власти, Восточная Церковь с ней познакомилась и приняла. Догматическое определение папского примата, которое могло, хотя бы теоретически, прекратить все споры о концилиаризме, в конечном итоге не играло такой большой роли и для современников прошло абсолютно незамеченным и в историческом аспекте было бесплодным. Но самые верные папе епископы не понимали этого и продолжали настаивать на четком определении примата папы. Такова была просьба испанского епископа Гранады Педро Геррэро в Тридентском соборе. Но самое любопытное заключается в том, что никто из отцов собора не считал возможным объяснить ему, что его прошение давно удовлетворено. На самом деле дальнейшая история Церкви с XV по XIX века протекала так, как будто юридически примат папы вовсе не был определен. Теоретические споры и практическая борьба между двумя противоположными мнениями продолжались на протяжении всего данного периода, и в конце концов, очень медленно, в силу совпадения многих факторов, победили тенденции поддержки примата папы. Поэтому с уверенностью можно говорить о существующей в этой истории некоторой тайне бесплодных догматических определений или, если угодно, еще раз повторить общеизвестную истину о том, что решения, принимающиеся наверху, бывают эффективными только в том случае, если отвечают на нужды и чаянья низов.

И хотя соглашение, заключенное во Флоренции с Восточной Церковью просуществовало недолго, и греки, вернувшись на родину, в большинстве своем снова отказались от папства, но для папы Евгения IV совершение унии, даже на бумаге, было большим успехом, укрепившим его авторитет.

Как было показано, на соборе во Флоренции обнаружилась и подтвердилась

координирующая греческие церкви функция императора: он был во главе восточных, как папа - западных епископов. Но после падения византийского института императорской власти никто не смог более заботиться о том, чтобы множество восточных церквей вырабатывало совместное отношение к Западу.

Но не обошлось без «революционных соборов», коим явился Базельский собор.

История Базельского собора вызывала, и по сей день вызывает, горячие споры среди историков, никого не оставляя равнодушным к его антипапистским настроениям. Общим знаменателем всех событий вокруг собора можно назвать экстремизм в его церковном преломлении и экстремизм в решениях о реформе внутри Церкви.

...Базельский собор предполагал и представлял соборный экстремизм, его иерократическое богословие, его фискальную и административную централизацию.

Собор являлся историческим выражением антииерархической экклезиологии, поскольку Собор, представляющий Вселенскую Церковь, был высшим источником церковной власти, по тому, что там есть. Он являлся отражением революционной экклезиологии, не имеющим фундамента ни в Святом Писании, ни в Предании... Оппозиция Собора до такой степени увлеклась путем радикализма, что даже элиминировала роль примата Петра внутри Церкви. Концилиаризм возникал в истории всегда как экстренное решение для поиска выхода из сложного положения раскола, но Базельский собор умудрился на платформе концилиаризма основать Церковь и тем самым добился возникновения противоположной реакции.

Часто приходится читать такие строки: "Историческое значение Базельского Собора состоит в том, что на нем демократию и терпимость вновь возвели в принцип". Сказанное не соответствует действительности. На самом деле Собор не только не стал демократическим и уравновешенным собранием, но в чем-то напоминал пролетарскую диктатуру. Так, чтобы стать членом Собора, необходимо было, прежде всего, поклясться защищать концилиаризм. Разумеется, не все решались давать такую клятву, но в таком случае они лишались права голоса. Кроме принесения клятвы, существовала экзаменационная комиссия по вопросам веры, куда обязаны были являться даже папские легаты. Письма были под охраной Собора. Таким образом, в собраниях Собора оппозиции либо не существовало вообще, либо она не имела никакого веса, поскольку голоса кардинала, настоятеля и преподавателя университета были уравнены между собой.

Экклезиологический экстремизм явился серьезным тормозом в развитии западной теологии и в создании гармоничной экклезиологии, и только в XX веке Церкви и теологии удалось преодолеть его. Но в XIV веке еще не пришло время для осознания Собора как выражения общения внутри Церкви. Устремления отдельных епископов часто служили в качестве оружия против установления полной власти Папы и его курии. Для Папы и Римской курии прения в Соборе были равнозначны разговорам о веревке в доме повешенного. Вот почему Папа Пий II, который, будучи членом Базельского Собора, являлся самым яростным сторонником нерадикального концилиаризма и осуждал концилиаризм и любую апелляцию к Собору.

И вот совершенно неожиданно выяснилось, что после Великого раскола, после Констанцского и Базельского Соборов победителем в данной ситуации оказалось государство. В мутной воде раскола ловили рыбу зарождающиеся национальные королевства, используя церковные раздоры и функциональные неурядицы для укрепления светской власти над Церковью и внутри ее. Для них важность вопроса реформы Церкви или разрешение богословских проблем сами по себе не имели значения, но были лишь весьма удобным орудием для достижения своих целей. Для Папы Евгения IV заключение компромиссных соглашений между национальными Церквями и светскими князьями не было актом добровольным. Он вынужден был пойти на очень серьезные уступки французской Церкви, которая в духе Базельского Собора стремилась с помощью короля к широкой автономии от Папы (так называемые, "галликанские свободы"). Автономия от Папы на практике означала зависимость Церкви от короля, поскольку вмешательство Папы в дела французского королевства было весьма ограничено (назначение или низложение епископов и других

бенефиций).

Таким образом, возможность генеральной реформы Церкви исчезла. Назначение кандидатов на епископат и другие высшие бенефиции находились под контролем королей, что обеспечивало избрание на них детей тех дворянских семей, которые были в хороших отношениях с королем. Для них сан епископа или аббата обозначал не служение, а социальный статус, связанный с экономическими преимуществами. В результате на историческую арену выходит образ епископа более политика и царедворца, мецената и воина, нежели священника и религиозного человека.

После процесса, длившегося веками, централизация Католической Церкви под началом папы и разделение Православной Церкви на отдельные поместные считаются сегодня самыми явными их характерными чертами.

В период реформации и Тридентского собора (1545-48 и 1551-52 годы) католические богословы должны были основательно изучать протестантские взгляды. Изучение это происходило весьма интенсивно и даже настолько, что у богословов не хватало времени и интереса, чтобы по-настоящему заняться церковными традициями греков. Как следствие, не было принято во внимание, что различие между латинянами и греками следует оценивать по-другому, чем противоречия между католиками и протестантами. Ведь латиняне и греки с самого начала имели разные традиции (которые, как отметил II Ватиканский собор, являются скорее не противоречиями, а взаимным дополнением). Так или иначе, на Западе после Тридентского собора действительное знание истории традиции Восточных церквей было быстро и основательно утрачено и распространилось ложное убеждение, будто разделение с Востоком произошло потому, что они, как протестанты, отпали от традиции Римской церкви, только на несколько веков раньше. Подобное ограничение внимания на внутренних богословских темах на Западе в посттридентский период привело не только к неверному отношению латинян к восточным церквям, но тем самым поставило их под угрозу потери полноты христианской традиции, то есть - кафоличности Церкви.

Константинопольский патриарх лично участвовал во Флорентийском соборе, другие же патриархи были представлены делегатами. Следовательно, для всех в то время было очевидно, что в Церкви наряду с Римским епископом существуют другие авторитетные лица, на которых лежит особая ответственность за восточные церкви на четко ограниченной территории. Если бы благодаря декрету Флорентийского собора "Laetentur coeli" было бы достигнуто церковное единство, объединенная Церковь имела бы не только папу с полномочиями, предусмотренными для него в документах Вселенских соборов и в святых канонах Церкви, но и нескольких патриархов. По древнему обычаю, Римский епископ всегда занимал должность патриарха на определенной территории; в соответствии с декретом "Laetentur coeli" это было бы, безусловно, сохранено. За пределами этой территории папа должен был бы исполнять лишь те общецерковные функции, которые на него возложены как на первого среди епископов и среди патриархов.

Начиная с Тридентского собора, названный принцип учитывался менее всего. В промежутке между Флоренцией и Тридентом началась, как известно, колониальная экспансия европейских государств, с чем было, несомненно, связано распространение христианства в западной его традиции во вновь открытых землях. Католическая Церковь распространилась по всему миру и с тех пор она существует повсеместно, как и вся Церковь - во всех частях света.

Вследствие этого западные богословы довольно быстро разучились различать границу между Римским патриархатом и всей Церковью. Они забыли то, что знали еще во время собора во Флоренции: что необходимо строго разграничивать прерогативы патриархов и пап. С тех пор они более не задумываются над тем, что Римский епископ некоторые акты для некоторых епархий совершает потому, что является их патриархом. Те, кто не помнит ныне о патриаршей функции Римского епископа, воспринимают помощь, творимую Римом на территории епархии в осуществлении ее деятельности, не как помощь своего патриарха, но как помощь Вселенского Первосвященника.

В действительности, в истории Церкви мы имеем множество случаев, когда это ошибочное мнение разделяли и сами папы. Восточные церкви, находящиеся в единении с Римским престолом и сохранившие хорошее знание традиционных прав патриархов, каждый раз, когда папа издавал документы для не принадлежащих к латинскому патриархату епархий, однозначно воспринимают это как превышение полномочий Римского епископа.

Все руководимые епископами христианские церкви разделяют мнение, что епископу Рима по древнейшей традиции принадлежит первенство среди епископов. Для всех их несомненно, что подлинное единство Церкви может быть достигнуто лишь тогда, когда эта его функция вновь будет признана и правильно осуществляется. Происшедшие после Тридентского собора перемены в исполнении должностных обязанностей Римского епископа навлекли на него упреки в превышении полномочий, и во многом это является причиной тому, что сегодня папство воспринимается многими не как служение единству, а как препятствие ему.

Кроме того, с началом Нового Времени на Западе установился новый стиль жизни и новые понятия об образовании. Как в позднем Средневековье, когда расцвела высокая схоластика, у людей на Западе вновь происходило изменение менталитета. В системе латинского образования это было полностью учтено и она была модернизирована.

Восточной же Церкви, которая сохранила более тесную связь с традицией, и которая кичилась своей "верностью наследию отцов" (так она называла отказ от современного образования), латиняне вновь показались "обновленцами" и такая точка зрения не просто существовала, но и культивировалась в Византии, а после и на Руси.

И вот, что мы имеем. Почитаемый великим подвижником в России, вне всякого сомнения, талантливый полемист и богослов, Иоанн Кронштадтский пишет сочинение, названное им "Правда о Боге, мире и человеке", где есть слова, которые просвещенному человеку и читать-то как то неловко: "Папство в своем развитии есть поругание над истиною и правдою Божиею, истиною Священного Писания, вдохновенного Духом Святым, над истиною словес Спасителя. Он ясно учил, что Дух Святой исходит от Отца, и нигде не говорил, что Он исходит и от Сына: а папы, вопреки этому учению, этой истине, приняли ложь, что Дух Святой исходит и от Сына и возвели это учение в догмат общего верования и исповедования римских католиков, и как в этом учении, так и во многих других учениях, противных Евангелию, назвали себя непогрешимыми; а мы называем их до невероятности гордыми и нераскаянными грешниками, не желающими осознать своих явных и нелепых погрешностей, например: что Римский епископ есть глава Церкви, между тем, как в Писании везде Главой Церкви как Тела Своего называется Сам Господь Иисус Христос и так далее. Таким образом, папство впало в хулу на Духа Святого, допустив и утвердив явную ложь, изрыгая хулу на Христово учение, как на вещание непреложное Духа Святого, принимая нелепые учения за истину Божию и понося через то Духа Истины". Не более и не менее. К счастью, есть и другие точки зрения, и они тоже являются реалией современной нам эпохи.

4.3.1 Ватиканский Собор.

С закрытия Тридентского Собора в 1564 году политическая карта Европы претерпела значительные изменения. Само здание «старого порядка», сцементированное тесным альянсом трона и алтаря, с одной стороны государственной религией и с другой Церковью, неразрывно связанной с властью монархов, потерпело крушение во всей Европе с началом Французской Революции. Новые эталоны в культуре, политике и религии, опирающиеся на идеи свободы и равенства, распространялись повсюду. Вместо единства алтаря и трона возникла решительная необходимость разделения между церковью и государством. Вместо единой государственной религии, защищавшей Церковь и ее деяния, утверждалась религиозная терпимость и свобода совести. Таким образом прокладывало себе дорогу новое светское либеральное общество критически настроенное к системам папской власти, навязывающим свою волю.

Чуть более трехсот лет состоялось открытие I Ватиканского Собора. Судьба этого Собора не

была так спокойная, как и многих предыдущих до него.

Одно из обвинений, повторяемых Дёллингером и некоторыми более поздними историками и теологами (Гаслер, Кюнг) - это недостаточная свобода внутри собора. Среди разъединенных братьев этот аргумент встречается, в частности, в работе русского теолога С.Н. Булгакова, в которой он утверждает, что I Ватиканский Собор "заслуживает звания собора так же, как многочисленные съезды в СССР заслуживают быть признанным выражением свободной воли народа". Несомненно, не следует забывать о роли Пия IX в работе собора: он с самого начала развязал себе руки и соблюдал нейтралитет, не вмешиваясь в ход собора до тех пор, пока не потребовалось его непосредственного участия (с каждым разом все большего) в таких вопросах, как, например, спорное решение вынесения вперед дискуссии о безошибочности как отдельной схемы или навязывания окончательной формулировки, также как и его негативное отношение к любым попыткам посредничества, что достойно сожаления.

...Поэтому, не смотря на то, что атмосфера собора не была настолько свободной, насколько хотелось, безусловно, I Ватиканский Собор был достаточно свободным, чтобы не подвергать сомнению ценность его актов.

Исторические последствия I Ватиканского Собора были крайне значительны. Хотя удалось закончить работу только над самой малой частью предварительно подготовленного материала, наработанное оказало огромную помощь в создании CIC (Codex Iuris Canonici) в 1917 г. Авторитет понтифика ощутимо усилился, особенно когда окончательно разрушилось здание его светской власти. Начиная с понтификата Пия IX моральный авторитет и престиж папства на мировой сцене возрос неизмеримо. В то же время нельзя забывать, что в жизни Церкви Соборы являются конечными пунктами, в которых выражается определенный исторический момент, но они же являются и точкой начала процесса ассимиляции и перечитывания всего установленного ранее. После Тридентского Собора, который из-за отсутствия согласия оставил открытым вопрос об отношениях епископов и папы относительно примата, I Ватиканский Собор хотел подтвердить один из двух элементов, подчеркнув полноту власти папы в Церкви. Конечно, сам собор оставил возможность дальнейших экклезиологических интерпретаций, признающих сложную природу церковного устройства, не сводимого лишь к понятию папской власти. Этот процесс был завершён II Ватиканским Собором, который, не отрицая ничего из принятого в 1870 г., обозначил новые элементы уже присутствовавшие в конституции «Pastor Aeternus», но недостаточно явно обозначенные. Так, например, к 3 главе названной конституции, как необходимое дополнение, относится 22 пункт Lumen Gentium, а к 4 - пункт 25 из "L.G.". Можно отметить, что в целом, хотя собор и не смог реализовать великое дело обновления и христианской реформации, как предлагал папа, одна из задач все же была достигнута: удалось сплотить ряды вокруг папы для подтверждения спасительной миссии церкви в современном мире, отвергающем сверхъестественные ценности. Это, логически рассуждая, привело к усилению авторитета папы и роли римской курии, к формированию оборонительного мировоззрения и недоверия к современному миру, и его ценностям. Таковы общие черты "сложного наследия" (Ж.Мартин) I Ватиканского Собора и понтификата Пия IX, состоятельность и относительность которого сделала очевидным история Церкви XX века.

4.4.2 Ватиканский Собор.

Подводя итог тысячелетнего отрезка в истории Церкви, который вне всякого сомнения, характеризуется небывалой открытостью и готовностью к ведению переговоров, хотелось бы привести необыкновенно емкую характеристику выдающегося православного богослова Оливье Клемана: «На протяжении тысячелетней истории, сохраняя древний церковный принцип своего примата, Римский престол все более и более истолковывал его в смысле абсолютной власти над Церковью. И Православие, справедливо или напрасно ощущая, что все латинское стремится его уничтожить, следовало от отрицаний "папизма" как

средневековой практики осуществления примата к квази-отрицанию примата как "присутствия" Петра в Церкви. Используя упрощенный образ, Петр остался без своих братьев - апостолов, а они остались без Петра. Так что если с той и другой стороны Церковь верна Христу как "истине" и "жизни", она потеряла часть многочисленных признаков, которые позволяли ей распознавать Его как "путь".

Наше упование - надежда столь многочисленных христиан - превосходит перипетии и кажущиеся возвраты назад в истории: это упование, что Рим в результате благодатного процесса, который ему присущ, когда Бог того пожелает, возвратится к подлинной концепции примата как служения общению, в реальной взаимозависимости своего епископа со всеми остальными, в диалоге со всем народом Божиим".

Знамена именованного Клеманом "обращения апостола Петра" стали особо ощущаемыми во второй половине XX века. Папа Павел VI отказался от тиары, один из венцов которой символизировал высшую власть над светским началом, а другой - над духовным. Иоанн Павел I, а затем Иоанн Павел II также отказались от тиары и от самой церемонии коронации. Но главным остается Второй Ватиканский собор.

Он, не без влияния Востока, как "униатского", так и "православного", возвратил епископскому служению его полное сакраментальное значение и восстановил общую коллегиальную папы и епископов за управление Вселенской Церковью.

Конституция "Lumen gentium" идет не от папы через епископов к народу Божию, а от народа Божия через епископов к папе. Вселенская Церковь определяется как общение поместных церквей, каждая из которых основана на Евхаристии. "Во всякой общине, собранной вокруг престола под началом священнослужителя - Епископа, обретается символ той любви и единства мистического Тела без которого не может быть спасения" (LG, 26). Поэтому роль епископа Римского состоит в том чтобы, по св. Игнатию Богоносцу, "председательствовать в любви" над всем многообразием местных церквей.

Единение папы с епископами приобретает различные формы. "Оно носит личный характер, когда Первосвященник авторитарно подтверждает наличие призвания и пригодность к епископской должности выдвинутого Церковью кандидата. Оно становится обоюдной заботой о Церкви в случае так называемого "посещения епископских порогов". Во время же Вселенских Соборов оно приобретает совершенно особенный характер, ибо голос папы не может не звучать при решении вопросов, связанных с определением веры, особенности культов, а также с установлением законов, касающихся всей Вселенской Церкви".

"Римский Понтифик, как преемник Петра, есть постоянное и зримое начало и основа единства как епископов, так и множества верных. При этом каждый из епископов является зримым началом и основой единства в своей отдельной Церкви, созданной по образу вселенской Церкви, в которых и из которых состоит единая и единственная Церковь. Поэтому каждый из епископов представляет свою Церковь, а все они вместе с Папой - всю Церковь в союзе мира, любви и единства" (LG, 23). Таким образом, власть примата никак не направлена на ограничение деятельности пастырей, связанной с их служением. Всякие попытки такого рода в истории Церкви заканчивались плачевно. Разумеется, уточняет епископ Э. Озоровский, в случаях, когда проповедь непреходящих истин Божиих, проповедь сохранения единства коллегии епископов в себе и со своим главой оказывается под угрозой, "Папа имеет право вмешательства, и никто не имеет права препятствовать ему, ибо единство - первостепенный закон в Церкви: единство в любви и разнообразии".

Служение епископа Рима - это служение любви и единства, коренящихся в Пресвятой Троице, и видимое в конкретных проявлениях повседневной жизни. Это служение, разнообразное в своих формах, находит выражение в молитве и примере папы как "добротного пастыря", в проповеди, наставлениях и примирении. Оно не упускает из виду ни одну из христианских общин, согласно с пожеланием Христовым: "Да будут все едино" (Ин. 17, 21) и принимает во внимание, весь мир может в Церкви обрести основы для единства.

Знаменем этой надежды, в том числе, служит и работа большой Международной смешанной богословской комиссии. Три ее заседания - в Бари (1987), на Новом Валааме

(1988) и в Баламанде (1993) говорят о умножении слов и деяний, свидетельствующих о стремлении к сближению, объединению усилий и готовности к разумным компромиссам. Так, в документах Баламандской встречи читаем: "Сколь бы искренним не было желание быть верными заповеди Христа: "Да будут все едино", выразившееся в объединении отдельных общин с Римским Престолом, следует констатировать, что единство между Восточной и Западной Церквами так и не было восстановлено, и существующее поныне разделение эти попытки лишь усугубили.

Положение, создавшееся в результате подобных действий, стало, по сути дела, причиной напряженности и противодействия этим попыткам.

В дальнейшем, на протяжении десятилетий, следовавших за такого рода объединениями, одним их основных направлений миссионерской деятельности оставалось "возвращение" других христиан индивидуальное или массовое - в свою собственную Церковь. Чтобы узаконить эту тенденцию, являвшуюся источником прозелитизма, Католическая Церковь разработала богословскую теорию, согласно которой она сама была представлена как единственный носитель спасения. В ответ на это Православная Церковь в свою очередь приняла точку зрения, согласно которой спасение можно обрести лишь в ней. Попечение о спасении "разделенных братьев" приводило порой даже к повторному крещению христиан и полному забвению необходимости соблюдать религиозную свободу личности, выражающуюся в свободном выборе веры, что, впрочем, вполне соответствовало духу того времени...

В связи с тем, что католики и православные заново рассмотрели свое отношение к тайне Церкви, то описанная форма миссионерского апостолата, называемая "униатством", не может быть больше принята ни как метод, ни как модель единства, к которому стремятся наши Церкви".

Пожалуй, за всю христианскую историю после Семи Вселенских соборов, не было принято ни одного документа, столь явно провозглашающего свободу в единстве, и единство - в любви. Однако, достойная всякого сожаления зашоренность и неготовность к открытости некоторых православных структур неприступной стеной стоит на пути к сближению. Так, сочинение Аналитического Центра союза православных граждан, входящее в сборник "Ватикан: натиск на Восток" (тираж 10000 экз.) так говорит о Баламанде: "Это "соглашение", а если отбросить камуфляж - просто уния, подписана в нарушение сотериологической и экклезиологической исключительности Православия как Единой и единственной Церкви Христовой". Как говорится, комментарии излишни. В самом деле - соглашение, осудившее политику заключения уний, провозглашается новой унией! Воистину, "есть у них уши, но не слышат" (Пс 113).

Глава 5. Взгляд Православной Церкви на примат папы.

Из-за новых задач, вставших перед греческой Церковью в турецкой империи, ее богословие быстро приходило в упадок. Структура Османского государства была такова, что греки вели общую жизнь только в рамках Церкви, ибо лишь так они могли отстоять свою самобытность. Все мирские дела, которые турки передавали им для самоуправления, они должны были решать через церковные инстанции. Даже само именование константинопольского архиепископа - "милет - баши" говорит о многом, так как оно обозначает этнарха, председателя народа.

И чем важнее была для греческих церковных иерархов первой половины XVII века эта необычная для нас, современных христиан, сторона церковной жизни, тем отчетливее вырисовывалось их чрезвычайное безразличие к богословию. Только к концу XVII века, спустя более двух столетий после падения Константинополя, греки создали новую систему образования, основываясь на той базе, которую заложил в Киеве Петр Могила в те десятилетия, когда греческая Церковь пребывала в глубоком упадке. 1 В это время эстафету

полемики и диалога (хотя и в меньшей степени) приняла Русская Православная Церковь, ставшая патриархатом с 1448 года. Глубоким и остроумным исследованием этого периода диалога о папском примате представляется нам труд игумена Вениамина (Новика), к которому мы и обратим самое пристальное внимание в части этой главы.

В русской богословской литературе, указывает игум. Вениамин, вопрос о главенстве Римского епископа начинает выделяться, как самостоятельный, в период заключения Брестской унии (1596 г.), когда для привлечения к унии православных ее сторонники пытались показать главенство апостола Петра и, соответственно, римского папы, как его преемника, на основании богослужебных текстов. Этому мы касались в соответствующем разделе нашей работы, но в новое время возвратились старые доводы и такие маститые православные авторы, как, например, архимандрит Иннокентий (Новгородов) в своих работах вновь доказывают, что возвышенные эпитеты в богослужебных текстах, прилагаемые к апостолу Петру: "основание", "хваление", "утверждение Церкви", "основание веры" и многие другие употребляются равным образом и по отношению к иным апостолам. В книге, изданной в 1841 году, читаем: "И возлюбленный Господу ученик Иоанн, который, один из всех апостолов, написал книгу Откровения о грядущих судьбах Церкви до кончины мира, так изображает новый Иерусалим, сходящий с неба от Бога, то есть Церковь: стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати апостолов Агнца. Итак не один Петр, но и все апостолы положены в основание Церкви, и в одно время, вместе, посылаются... во все концы вселенной, имея своим средоточием Того, Кто обещал быть с ними до скончания века". Сложно сказать, какие мотивы двигали автором, если он был сведущ в деяниях Соборов и в святоотеческой литературе. Вообще же, для данного направления характерно обильное, часто весьма тенденциозное, цитирование святых отцов первенствующей Церкви. Основной мыслью данного направления является мысль о несовместимости латинского тезиса о главенстве апостола Петра с новозаветными писаниями, а также, соответственно, мысль о несовместимости тезиса о главенстве Римского епископа с принципом управления эпохи неразделенной Церкви.

Так, протоиерей Сергей Булгаков пишет: "Что апостолу Петру принадлежит первенствующее место среди других апостолов, против этого, конечно, не может быть честного и разумного спора. Можно спорить о смысле и значении того факта, но не о самом факте. Петр первенствует среди апостолов, и это его положение, особое значение его служения, обнаруживается из сопоставления многочисленных деталей, в отдельности незначительных, но в совокупности выразительных, наряду с основными событиями его жизни и относящимися к нему словами Господа". В то же время апостол Петр своими словами после исповедания заслуживает резкое осуждение Господа: "Отойди от Меня, сатана!" (Мф. 16, 23); он покидает Христа, подобно другим, во время Его страданий и трижды отрекается от Него, проявляя тем обычную человеческую слабость.

Анализируя новозаветные тексты, прот. Сергей Булгаков приходит, как и большинство православных исследователей, к выводу, что апостолу Петру принадлежит примат представительства, авторитета и первенства, но никак не примат юрисдикции, власти в земном ее понимании. Авторитет же потенциально обладает властью, но обратное уже неверно. Таким образом, согласно Булгакову, авторитет - попытка абстрагировать власть от авторитета. Православные исследователи утверждают, что существует некое различие между первенством и главенством, и Петру принадлежит только первенство.

Булгаков, однако, не совсем согласен с этой точкой зрения. Так, он пишет: «Единоличный папизм в католичестве по крайней мере имеет заслугу последовательности при развитии авторитарного принципа в вероучении, - суждение одного лица явно (как бы ни было трудно определить, когда он говорит *ex cathedra*). Но этого нельзя сказать относительно папизма коллективного, который мы имеем в том случае, если функции папы мы предоставим собору епископов, коллегиальному епископату... Ясность, равная единоличному папизму, была бы возможна лишь в случае полного единомыслия и единогласия всего епископата, чего, кажется, вообще не знала история".

В работах о. Сергия Булгакова обращается внимание также и на роль папы Григория VII, во время понтификата которого было четко сформулировано учение о папском главенстве. В тоже время Булгаков считает, что: «Не может быть внешнего авторитета для церковной соборности, потому что такой авторитет тем самым неизменно становился бы выше Церкви и самого живущего в нем Духа».

Далее Булгаков считает: «Признание со стороны Православного мира принадлежало бы ныне Римскому папе, в качестве Вселенского первопатриарха, ели бы он отказался от своих ватиканских притязаний. Православная Церковь никогда не отрицала первенства Римской кафедры, подтвержденного канонами вселенских соборов» .

Согласно мнению свящ. С. Тышкевича: Петр, конечно, не первоисточник благодати, он - только орудие "Краеугольного камня". Ибо Церковь построена вовсе не на личных качествах Петра, но на главенстве Христовом. И если Христос властен был учредить таинства, то, тем более, Он был властен установить служение Петрово и сообщить последнему неколебимую прочность. И отцы, когда они утверждают, что Церковь зиждется на вере Петра, не противопоставляют веры Петровой Петру, а наоборот: "в обещании, данном Петру они видят залог чистоты его веры. Конечно - и отцы это нередко подчеркивают - Церковь построена не на уме Петра, не на его заслугах, не на его дарованиях, а на чистом и неподдельном вероучении, сообщаемом Богом Петру и через него всей Церкви: не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой. Указанный текст не только не умаляет Петрова достоинства, но свидетельствует о том, что это главенство касается наиболее существенного в жизни Церкви - веры".

В русской литературе существовало целое направление, затрагивающее вопрос о главенстве, как авторитете (и, позднее, безошибочности) Римского первосвященника, которое можно определить как богословско - философское. Особенностью этого направления являются не только попытки осмысления западного культурно - исторического духовного типа в его отличиях от восточного, но и постановка вопросов о соотношении внутреннего и внешнего в Церкви, о монархическом и соборном принципах церковного управления, о возможности догматического развития. Делаются попытки осмысления Церкви в ее земном проявлении и о том, до какой степени в этом отношении к ней применимы традиционные способы организованности. Основателем этого направления в русской литературе можно считать А. С. Хомякова (1804-1860)

Концепция Л. С. Хомякова

Взгляды этого автора на папство тесно связаны с пониманием Церкви. Хомяков понимает Церковь как органическое целое, Тело, главой которого является Христос. Те, кто любят Христа и Божию правду, принадлежат Церкви и становятся ее членами. Все верующие во Христа образуют единство; но в этом единстве сохраняется свобода каждой личности. Более того, индивидуальная свобода не нарушает этого единства, но является условием для истинности единства во Христе. Не подчинение внешнему авторитету, но соборность, по А. С. Хомякову, есть важнейшее свойство Церкви - оно и есть некое свободное и любовное единение во Святом Духе. Хомяков заостряет свою мысль до парадокса: "Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его; ибо Бог, Христос, Церковь живут в нем жизнью более действительною, чем сердце, бьющееся в груди его..., поскольку он сам живет вселенскою жизнью любви и единства, то есть жизнью Церкви".

Согласно Хомякову, соборность означает и то, что абсолютным носителем истины в Церкви являются не патриархи, не духовенство только, ни даже, в исключительном случае, Вселенские соборы, но вся Церковь как целое. Он отвергает и учение о делении Церкви на видимую и невидимую, учащую и учимую: "Церковь видимая не есть только видимое общество христиан, но Дух Божий и благодать таинств, живущих в обществе. Посему и видимая Церковь видима только верующему, ибо для неверующего таинство есть только

обряд, и Церковь - только общество". Хомяков придает большое значение "Окружному посланию Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам" от восточных патриархов 1848 года, где, с его точки зрения, содержится "исповедание веры, близко подходящее к соборному, вселенскому определению", согласно которому у Церкви нет никакого внешнего критерия истины, поскольку Истина - она сама. "Восточные патриархи со своими епископами торжественно провозгласили, в своем ответе на Окружное послание папы Пия IX, что непогрешимость почитает единственно во вселенскости Церкви, объединенной взаимной любовью, и что неизменяемость догмата, равно как и чистота обряда, вверены охране не одной только иерархии, но всего народа церковного, который есть Тело Христово". Хомяков понимает это так: ни иерархическая власть, ни сословное значение духовенства не могут служить ручательством за истину; значение истины даруется лишь взаимной любви. Дар познания истины резко отделяется от иерархических обязанностей, то есть, от власти совершать таинства и соблюдать церковный порядок и, таким образом, ясно определяется совершенное различие от римского вероучения.

На Западе же, по мнению Хомякова, на месте утраченной органической целостности церковного единства была сделана попытка воссоздать единство внешнее, основанное на внешнем же авторитете. Единый живой закон единения в Боге был вытеснен частными постановлениями, несущими в себе отпечаток рационализма, утилитаризма и юридических отношений.

К тому времени уже был принят догмат о папской безошибочности и, по мнению Хомякова, он заступил место исторического авторитета Римского епископа. С его точки зрения, безошибочность папы (Хомяков писал - непогрешимость) утверждалась не на святости Вселенской Церкви, а на случайной особенности епископского преемства, "как будто бы другие епископы, поставленные Петром, независимо от места их пребывания, не были такими же преемниками, как и епископ Римский". Хомяков считает, что полнота церковных прав, которую Христос вручил Своим апостолам, и пребывает всегда на вершине иерархии; ею благословляются низшие степени и ею верно блюдет закон, явленный от первенствующей Церкви. В этом состоит значение епископского чина, в этом - его неизмеримая важность: низшие должности исходят и получают освящение, утверждение и благословение от высшей. Так выводится учение Церкви о епископском чине, по отношению к которому все прочие степени клира - только последствия. Все епископы равны между собой, каково бы ни было различие их епархий по пространству и значению. Юрисдикции их и почетные отличия разнообразны (как показывают титулу митрополита и патриарха), но сакральные права - одинаковы. Но это не соблюдается, по мнению Хомякова, в отношении епископов к папе. Он предполагает здесь как бы четвертую степень священства и эта его мысль, к сожалению, была воспринята многими православными богословами.

Полнота Церкви, как живого органического свободного союза во Святом Духе, без какого-либо внешнего принудительного авторитета сохраняется, по А. С. Хомякову, лишь в Православной Церкви. Конечно, Церковь в своем историческом проявлении соприкасается со всеми земными учреждениями, но сама она - никак не учреждение, а живой организм. Хомяков не придает особого значения особенностям исторического бытия Церкви, считая, что они не затрагивают ее сущности. Более того, он полагает, что стремление к каким-либо переменам во внешнем бытии Церкви уже рационалистично, и сам институт власти и первенства Римского первосвященника является для него крайней формой рационализма. Взгляды А. С. Хомякова подверглись основательной критике со стороны В. С. Соловьева. В целом соглашаясь со славянофильским пониманием Церкви, как органического целого в противовес западному рационализму, будто бы изгоняющему живой дух Церкви, Соловьев упрекает Хомякова в том, что он рассуждает о Церкви небесной в ущерб Церкви земной, которая находится в пути и еще далека от совершенства, хотя и составляет неразрывное единство с первой. А. С. Хомяков, отрицая саму идею папства, недооценивает и организационное устройство земной Церкви как таковое. По Соловьеву, поскольку Церковь

на земле не обладает совершенным единством Царствия Небесного, то она должна иметь некое видимое единство. Для Соловьева это и есть власть Римского епископа.

Действительно, в своей полемике Хомяков не всегда бывал справедлив и объективен, так как видел православие идеальным, а католичество — реальным.

Концепция В. С. Соловьева (1853-1900)

Свое отношение к католичеству, папству и папизму (к папизму он относит всяческие злоупотребления), Соловьев выразил, в основном, в работах: "Великий спор и христианская политика" (1883), "Россия и Вселенская Церковь" (1889) и "Славянский вопрос" (1891).

Автор задается вопросом, имеет ли Церковь определенную практическую задачу в мире, для исполнения которой необходимо объединение всех христианских сил под знаменем и властью центрального церковного авторитета. Другими словами, вопрос состоит в том, должна ли Церковь представлять собою на земле деятельное Царствие Божие и, следовательно, быть единой и сосредоточенной, ибо царство, разделившееся в себе, не устоит. В этом вопросе римская церковь решительно стала за утвердительный ответ; она остановилась преимущественно на практической задаче христианства в мире, на значении Церкви, как деятельного царствия или града Божия, и изначально представляла собой принцип центрального авторитета, видимым и практическим образом объединяющего земную деятельность Церкви.

Соловьев признает, что три вопроса: об отношении Римской церкви к другим поместным церквам, об отношении к государству и к духовной свободе отдельного лица (вопрос о свободе совести) решаются в католичестве решительно и определенно, авторитарным путем: все должно быть подчинено Церкви. Он ставит следующие вопросы:

1. Нужна ли вообще центральная власть в видимой Церкви?
2. По какому праву эта власть присваивается Римскому престолу?
3. Как он ею пользуется?

И далее он предлагает следующие ответы: если мы признаем у Церкви практическую задачу в истории, признаем за ней историческую силу, то есть воистину считаем земную Церковь воинствующей, то, рассуждая последовательно, следует признать и необходимость верховного центрального авторитета, то есть - папы. Далее, это рассуждение подкрепляется фактами из церковной истории. Соловьев напоминает основные этапы развития церковной власти: последовательное выделение епископов, архиепископов, митрополитов и патриархов (с пятого века) с соответствующими полномочиями централизованной власти, делая отсюда общий вывод о целесообразности централизации.

Сделав ссылку на известное место из святого Иринея Лионского: "По необходимости, с этой церковью (Римской), по ее преимущественной важности, согласуется всякая церковь, то есть повсюду верующие, так как в ней апостольское предание всегда сохранялось верующими повсюду" (Против ересей, III, 3, 2), Соловьев на второй вопрос отвечает просто - Римской церкви, потому что никакая другая церковь не являлась с таким значением. То есть Церковь вообще не должна быть централизована, либо же этот центр находится в Риме, так как ни за каким другим епископским престолом невозможно признать такого центрального для Вселенской Церкви значения, особенно после падения Константинополя в 1453 году.

По третьему вопросу Соловьев делает следующий вывод: "Центральный авторитет папства имеет значение... служебное. Как и вся духовная власть, этот авторитет есть лишь, обусловленное мистическим фактом, нравственно - практическое средство для дела Божия на земле, или для направления временной жизни человечества к его вечной цели. Во всяком случае, преимущество Римской кафедры должно быть не преимуществом господства, а преимуществом служения". Соловьев сознает, впрочем, относительность доказательств примата Римской кафедры: "несколько загадочных слов в Евангелии, да могила в Риме - вот истинное основание папских прав и преимуществ. Это одно не отнимется у них". Все остальное должно стяжаться высоким нравственным достоинством самих пап, как, например, Льва I и Григория IV, этих созидателей римского могущества. Далее, продолжая отвечать на

третий вопрос, Соловьев говорит о многочисленных злоупотреблениях папства, которые он называет папизмом, приводя соответствующие примеры.

В целом же Соловьев был убежденным сторонником теократии и полагал, что теократия может реализоваться через папство: "Если есть на земле особый преемственный союз служителей Божиих по преимуществу, если есть на земле особая власть, которой даны чрезвычайные полномочия и обещана чрезвычайная помощь для руководства и управления христианским человечеством, то, без всякого сомнения, все остальные власти и начала в мире и все силы общества должны быть подчинены этой священной и прямо-божественной власти".

Далее, в книге "Россия и Вселенская Церковь", Соловьев понимает событие исповедания Петра (Мф. 16, 13-19) как продолжающийся союз Божеского и человеческого. Человеческое представлено здесь апостолом Петром, в лице которого и происходит это единение на социально - общественном уровне. Причем Петр отвечает за всех апостолов, но говорит по собственному разумению, не советуясь с ними и не ожидая их согласия. Таким образом, твердая точка, несокрушимая скала или камень, на который можно опереть богочеловеческое действие, найден. Один человек, который с помощью Божией отвечает за всех - вот конститутивное основание Вселенской Церкви. В. С. Соловьев далее сравнивает ту роль, которую сыграли преемники апостола Петра по престолу: свв. папы Лев и Агафон и их послания на Вселенских соборах с тем, что произошло в Кесарии Филипповой с апостолом Петром (Мф. 13, 16-19). В том, что Петр не советовался с апостолами, Соловьев видит обоснование формулы I Ватиканского собора, что папские определения *ex cathedra* непреложны сами по себе, а не по согласию Церкви.

В этой работе мы не будем касаться полемики вокруг папской безошибочности, которая не актуальна данной теме.

Согласно экклезиологии прот. Н.Афанасьева, понятие первенства, включающее и безошибочность, можно соотнести скорее с какой-либо кафедрой, чем с определенным епископом, и подлинное первенство может быть по аналогии с первенством апостола Петра среди других учеников.

Менее умеренные источники говорят, что учение о безошибочности развивалось постепенно, в связи с идеей папского главенства. Сначала этот вопрос был решен Римом практически - изданием множества декретов от имени Апостольского престола в Риме с усвоением им обязательной силы, а особенно усвоением себе права дополнять Вселенский символ (вопрос о филиокве). Однако, долгое время, пишет прот. Н. Малиновский, это учение существовало лишь в качестве особого богословского мнения. Затем, когда католический мир обогатился новым догматом, "непогрешимость усваивается папе, когда он учит *ex cathedra*, в широком смысле. Она простирается, по объяснению катехизисов, на все, что относится к откровенному учению о вере и нравственности. Столь широкое, несообразное с истиною, понимание предмета безошибочности принято в целях оправдания всех тех латинских догматов, которых нет в Откровении, а прямее - вымышлены.

Учение это хотя называется... богооткровенным догматом, но на самом деле (его защитники) не могут указать ни одного прямого свидетельства слова Божия о папской непогрешимости. И понятно. Греховность и несовершенство свойственны действиям и проявлениям всех сил человеческого духа, следовательно, - и в отношении человека к истине, а потому Писание не усваивает и не может усваивать... незаблуждаемости никому из смертных и грешных людей".

Затрудненность приведения должной аргументации побудило критиков догмата о папской безошибочности прибегнуть к помощи западных противников собора 1870 года.

Действительно, принятие нового догмата вызвало некоторую реакцию латинских богословов, его не одобрявших.

В 1869 году в Лейпциге группой немецких богословов Деллингером, Губером и Фридрихом была издана большая работа "Папа и Собор", о которой прот. Сергей Булгаков писал: «По учености и силе не было нанесено более сокрушительного удара притязаниям папизма. Эта книга сохраняет свое значение и до наших дней». В книге говорится: "В течение тринадцати

веков господствовало в Церкви и ее литературе необъяснимое молчание о таком великом предмете, как папская непогрешимость. Ни одно из древних исповеданий веры, ни один катехизис, ни одно святоотеческое писание не содержат ни слова о папе; нет даже намека, что только в нем нужно искать утверждение в вере и учении.

Римская церковь в первых IV столетиях принимала живое участие только в трех вопросах: о праздновании Пасхи, крещении еретиков и покаянии. Во всех трех вопросах она не могла привести в исполнение свою волю и навязать свою практику».

В самом деле, просто прискорбно читать подобные вещи, потому что даже в нашей работе мы даже не рассматривали три эти вопроса, но роль Римской кафедры определили гораздо более конкретно. Вне всякого сомнения, жаль людей, попирающих истину в угоду неким амбициям, но в сто крат более жаль - введенных ими в заблуждение.

Столь часто цитируемый нами игумен Вениамин, хотя писал явно полемическую работу, был просто вынужден привести аргументы противной стороны, используя для этого книгу Иосифа Ратцингера "Новый народ Божий". В ней католический иерарх говорит о том, что авторитет папы находится в органическом единстве с авторитетом и учительством Церкви, водимой святым Духом. И. Ратцингер, ссылаясь на А.С. Хомякова, делает попытку определить вселенскую Церковь как постоянный Собор Божий в мире, отождествляя, таким образом, соборность, как свойство церковной истины и авторитетности, с таким Собором. Православное понимание Церкви, по его мнению, могло бы помочь избежать как раздробления Церкви на отдельных верующих (что произошло в протестантизме), так и католического авторитаризма. Церковный авторитет существует в контексте живой Церкви, во всей полноте Церкви, которая в своей совокупности составляет Тело Христово и является местом, где Дух Христов свидетельствует о Самом Себе (I Кор. 12).

Заключение

В конце данной работы мы хотим подвести итоги.

1. Очевиден и не оспорим тот факт, что первенство Петра берет свое установление из Нового Завета, что и принимается всеми христианскими Церквями и общинами. Именно в словах Христа мы созерцаем призыв « паси овец Моих».

2. Мы увидели, что в течении истории Церкви развитие, понимание и реализация примата проходили по-разному. Толкование на Западе зависело очень часто от политических событий и поэтому рассматривалось как власть. На это была реакция не только на Востоке, но и даже на Западе, что и привело к концилиаризму. Поэтому все попытки, которые были сделаны именно в это время к единению, в итоге не увенчались успехом.

3. Так же становится очевидным, что I Ватиканский Собор стал как утверждение примата Петра, особенно в свете ультрамонтанизма, где подчеркивался в папстве его авторитет (который был потерян во времена Французской революции). История Церкви показала нам, что были моменты, когда папа все более и более отделялся от Церкви, от пентархии, тем самым подчеркивая свою уникальность. И на это сразу же последовала адекватная реакция Православной Церкви.

4. Логическим продолжением явился II Ватиканский Собор, который углубил библейские, догматические и исторические корни этого догмата. Отцы собора сделали буквально настоящее толкование, подтвердив решения I Ватиканского Собора, приняв во многом от Православия.

И еще одно. В прошлом году Конгрегацией Вероучения была обнародована Декларация о единственности и спасительной вселенскости

Иисуса Христа и Церкви. В ней провозглашается: "Существует единственная Церковь Христова, пребывающая в Католической Церкви, руководимой Преемником св. Петра и епископами, состоящими в общении с ним. Церкви, которые не пребывают в совершенном общении с Католической Церковью, оставаясь объединенными с ней крепкими связями - апостольской преемственностью и Таинством Евхаристии - являются подлинными

поместными Церквями. Кроме того, Церковь Христова пребывает и действует также и в этих Церквях, даже если им не хватает полного общения с Католической Церковью и они не принимают Учения о Первоверховной власти, которой, по воле Божией, обладает епископ Рима, осуществляющий ее во всей Церкви".

Так подтверждается принцип Второго Ватиканского собора: Католическая Церковь открыта диалогу и общению, не отказываясь ни от своей полноты, ни от своего учения.

Небо и земля прейдут, а слова Христовы, запечатленные в божественных установлениях, не прейдут. Апостольское преемство Церкви и первенство Петра - суть следствия мистических и богословских истин, которые мы можем постичь только нашей верой, как и все остальные тайны нашего вероучения. Только метафизическая, сверхприродная вера стоит на уровне этих великих истин и позволяет нам быть в гармонии с ними.

Выраженное таким образом богословское представление о первенстве апостола Петра было невыявленным верованием Церкви в течение веков. Может быть, и далее будут говорить, что оно было выработано западными, в основном, богословами, которые вращались в политической орбите Рима, юридический дух которого к такому развитию предрасполагал. Мы этого не отрицаем - ибо это верование, сведенное к своей основной сущности, не связано ни с каким понятием, ни временным, ни меняющимся. Оно в духе богословия древних Отцов Церкви, которые любили часто более, чем мы, подчеркивать вечные свойства наших догматов.

Папа осуществляет первенство не как глава великой социальной организации или как некое средоточие централизованной власти. В этой работе мы старались показать, что он исполняет свое служение - первенствовать в Церкви, потому что Петр, Глава апостолов, продолжает первенствовать в своих преемниках.

В Церкви часто происходило разделение, но оно стало таким упорным и трудно преодолимым из-за того, как нам представляется, что Петрово первенство не было исследовано в его объективной полноте; из-за того, что принижали его значение или отождествляли его с некими временными явлениями исторического папства.

Часто говорят, и не без основания, что причины, поддерживающая разделение Востока и Запада - двух половин христианского мира, заключается и в наше время в нежелании признать действительность первенства Петра в его преемниках. Все остальное стало теперь только предлогом. Но тут необходимо подчеркнуть, что, по-видимому, причина разделения не в догматической стороне преимущественных прав Римской кафедры, а в смешении ее трансцендентной сущности с развившимися вокруг другими установлениями, вполне, разумеется, законными, но и человеческими также вполне.

Рядом с папством, как объектом веры, стоит папство видимое - институт Римского Первосвященства, исторический, познаваемый нашими телесными очами. Величайшая административная мощь, сосредоточение гигантских сил вокруг одного главы, направляющего развитие Вселенской Церкви. Но это исторически развившееся папство, как было показано, не было таким в первые века христианства. Оно развилось сугубо на Западе, и причем с XI века, как мы увидели в этой работе. Установление же Самим Христом первенства Петра, являющееся единственной богословской основой примата Рима, нельзя считать в обязательном порядке прямой и подлинной причиной развития исторической роли Римских Понтификов. Исторические обстоятельства, относящиеся, конечно, к области общих предначертаний Божественного Провидения о мире, но не являющиеся Его прямым, чудесным вмешательством в мир, обусловили это развитие.

В другой среде эти обстоятельства могли бы быть иными. Они независимы от Божественного установления первенства Петрова. Поэтому в вопросе христианского единства чрезвычайно важно отличать историческое папство от догматического, что мы и старались показать.

Иоанн Павел II целью своего служения видит в том, чтобы единство всех христиан возросло бы до полноты евхаристического общения. « Это есть сущая обязанность Римского епископа, поскольку он является преемником Апостола Петра... В нашу экуменическую эпоху, ознаменованную II Ватиканским Собором, миссия Римского епископа особенно

выражается в напоминании о необходимости последователям Христа достигнуть полноты общения.

Римский епископ в первом лице должен приобщиться к Христовой молитве об обращении, которая необходима Апостолу Петру в служении братьям».

Власть можно купить, авторитет купить невозможно. Его можно только получить через служение другим. И тогда таким образом, смотря на будущее, углубляя примат как авторитет внутри Церкви, можно совершить единство в словах Иисуса Христа: «Да будут все едино». (Ин. 17,21).